

УДК 903.02

О СКИФО-КАВКАЗСКОМ НАПРАВЛЕНИИ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В VII–VI ВВ. ДО Н.Э.¹

© 2017 г. С.В. Махортых

Статья посвящена рассмотрению связей Северного Кавказа и Днепровского лесостепного Поднепровья с Волго-Камьем. Эти контакты прослеживаются на протяжении большей части раннескифского времени, хотя их пик приходится на вторую половину VII – первую половину VI в. до н.э. Предметы вооружения и конского снаряжения скифского облика, выявленные в памятниках ананьинской культуры, отличаются значительным типологическим и хронологическим разнообразием. Среди них выделяются две хронологические группы. Первая, более ранняя, датирующаяся, главным образом, второй половиной – концом VII в. до н.э., представлена железными топорами с двумя лезвиями или заостренным обушком, клинковым оружием «келермесского» типа, а также кинжалами с прямым перекрестием, бронзовыми стремячковидными удилами, втульчатými наконечниками стрел с пером ромбовидных очертаний и пр. Основной областью распространения этих артефактов является Среднее Поволжье. Вторая группа предметов является более молодой в хронологическом отношении и датируется преимущественно первой половиной – серединой VI в. до н.э. Она представлена железными топорами, имеющими утолщения на обухе, кинжалами с антенновидными навершиями и разнообразными перекрестиями, трехлопастными наконечниками стрел различных модификаций, железными петельчатыми удилами, бронзовыми пронизями и пр. Наряду со Средней Волгой, следует отметить значительную концентрацию некоторых из перечисленных выше предметов, в особенности железных кинжалов «скифских» типов, на территории Прикамья.

Ключевые слова: ананьинская культурно-историческая область, скифы, Кавказ, предметы вооружения и конского снаряжения; VII–VI вв. до н.э.

К числу проблем, привлекающих сегодня внимание специалистов в области раннескифской археологии, относятся определение времени появления памятников с древнейшими вещами скифского типа на юге Восточной Европы; выделение компонентов, составляющих скифскую культуру, и изучение их генезиса; рассмотрение контактов скифов с окружающим миром и пр.

Ананьинская культура представляет собой одно из наиболее ярких явлений в археологии раннего железного века Евразии. В настоящее время ее памятники рассматриваются в рамках особой ананьинской культурно-исторической области (далее АКИО), включающей в свой состав несколько археологических культур: постмаклашевскую, акозинскую, ананьинскую культуру шнуровой керамики и ананьинскую культуру гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, 2000; Чижевский, 2008; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–35).

Неповторимое своеобразие ананьинским древностям раннескифского времени придавали тесные контакты населения Волго-Камья с соседними и отдаленными областями Евразии.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одного из направлений этих контактов, условно названного «скифо-кавказским» и включающего территории Кавказа и Северного Причерноморья.

При подготовке статьи я не ставил перед собой задачу проанализировать все археологические свидетельства и аспекты этой довольно обширной и комплексной научной проблемы. Основное внимание в ней будет уделено анализу предметов вооружения и конского снаряжения, которые принадлежат к числу наиболее значимых и информативных категорий материальной культуры VII–VI вв. до н.э.

Предметы вооружения

Предметы вооружения представлены несколькими видами, среди которых наиболее многочисленными являются боевые железные топоры, мечи и кинжалы, а также бронзовые втульчатые наконечники стрел.

Боевые топоры

Наиболее представительная их коллекция выявлена в Среднем Поволжье, прежде всего, в погребениях Ст. Ахмыловского могильника, где они представлены более чем

¹ Автор выражает благодарность Швейцарскому национальному научному фонду (SNF) за поддержку этой публикации в рамках проекта IZ73Z0_152732 / 1.

10 экземплярами (п. 71, 183, 336, 421, 543 и др.) (Патрушев, Халиков, 1982).

Примечательно, что значительная их часть являлась единственными предметами вооружения в захоронениях (п. 183, 743, 808, 909), тогда как в других случаях топоры сопровождалась кинжалами (п. 336, 543) или наконечниками копий (п. 71, 421).

В Прикамье, по сравнению со Средней Волгой, железные топоры являются менее многочисленными. К примеру, одна такая находка встречена в п. 25 Луговского могильника и сопровождалась бронзовыми кельтом и наконечником копья, а также костяными наконечниками стрел (Збруева, 1952, с. 107, табл. П, 21). Топор представляет собой массивное орудие с длинной ударной частью и коротким округлым обушком в виде молотка. Ближайшие соответствия ему известны в кобанском могильнике Верхняя Рутха близ с. Кумбулта в Осетии (Крупнов, 1960, табл. X, 4). Исследователи относят топор из Верхней Рутхи к числу наиболее ранних железных топоров раннескифского времени (VII в. до н.э.), генезис которых непосредственно связан с бронзовыми топорами кобано-колхидских типов (Есаян, Погребова, 1985, с. 87). Следует упомянуть и находку оригинального железного топора «позднего» VI или V в. до н.э. из п. 30 Зуевского могильника, на обух которого сверху одета бронзовая часть, состоящая из орнаментированной втулки и трех сложенных вместе конусов (Збруева, 1952, с. 152, табл. XXII, 12).

Обращает на себя внимание значительное типологическое разнообразие рассматриваемых железных топоров, среди которых выделяется не менее пяти разновидностей.

К числу наиболее архаичных относятся проушные топоры с двусторонними расширенными лезвиями, длиной от 18,3 до 21 см, из Ст. Ахмыловского могильника (п. 183, 808 и находка 1969 г.), которые относятся к типу III по классификации А.Х. Халикова (рис. 1, 1–3) (Халиков, 1977, с. 178; Патрушев, Халиков, 1982, с. 27, табл. 31, 4б; 116, 3а; 109, 19).

Ближние двулезвийные топоры довольно хорошо известны в горных районах Центрального Кавказа (п. 128, 164, 205 Глийского могильника), где они зачастую сопровождалась акинаками «келермесского» типа, датирующимися, главным образом, в рамках второй половины – конца VII в. до н.э. (рис. 2) (Черненко, 1980; Техов, 1980, рис. 12: 1; 13: 2; Ворошилов, 2011, с. 167). Еще одна аналогичная находка железного обоюдоострого топора,

вероятно, в близком «келермесском» хронологическом контексте, выявлена в п. 28 Владимирского могильника на Северо-Западном Кавказе (Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 2: 10).

На Северном Кавказе двулезвийный топорик-секира выявлен также в Учкеевском кургане близ г. Кисловодска (Дударев 1991, с. 101, 105, табл. 30, 4).

Следует упомянуть железную проушную двулезвийную секиру с прямой спинкой и округлым проухом из кургана Малая Офирна на Киевщине (рис. 3, 10) (Петровська, 1968, с. 167, рис. 4: 10). В памятниках скифской культуры лесостепного Поднепровья боевые топоры с секущими лезвием и обухом встречаются крайне редко, и офирнянская секира является первой находкой такого рода на этой территории.

Топоры, относящиеся к типу двулезвийных, принадлежат к числу новаций раннескифского времени на Кавказе. Не исключено, что их истоки следует связывать с древневосточным регионом, где они известны еще в эпоху бронзы (Hroudá, 1965, s. 88, taf. 18, 16; Anlagan, Bilgi, 1989, s. 72–74, fig. 37–39).

Еще одна довольно многочисленная в Среднем Поволжье разновидность железных топоров представлена экземплярами с расширенным лезвием, удлиненным обухом с острым концом, а также прямой или изогнутой спинкой, длиной 22,5–23 см (рис. 4, 2–4). Их обушная часть имеет примерно такие же размеры, что и лезвийная часть. Эти топоры происходят из Акозинского (п. 73) и Ст. Ахмыловского (п. 543, 909 и находка 1962 г.) могильников (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 17, 12; 88, 1а; 128, 4а; Патрушев, 1984, с. 81, рис. 43: 7).

Ближайшие соответствия упомянутые выше топоры с заостренным обушком находят на Северном Кавказе, например, в п. 1 Исправненского могильника на Ставрополье (рис. 5, 1)² (Козенкова, Найденко, 1980, с. 204, рис. 5: 1). В.И. Козенкова относит их к типу III, второго отдела, который включает топоры с прямой спинкой и равномерно расширяющимся от проушины клином с закругленным лезвием; их дата – рубеж VII–VI или начало VI в. до н.э. (Козенкова, Найденко, 1980, с. 207; Козенкова, 1995, с. 73). Отметим,

² Железный топор близкой формы с симметрично расширенной лопастью происходит из кургана VI в. до н.э. у с. Новоселки Гржимайловские в Западной Подолии, где он был найден вместе с бронзовыми наконечниками стрел скифских типов и железными петельчатыми удилами (Іллінська, 1961, с. 39, рис. 7: 1).

что этой дате не противоречит и железный кинжал с брусковидным навершием, гладкой рукояткой сужающейся у основания и массивным перекрестием с треугольным вырезом в нижней части, который был найден вместе с одним из рассматриваемых топоров в п. 543 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 12, 1). Этот кинжал находит соответствия среди клинкового оружия степной и лесостепной Скифии (Новоазовск, Западное укрепление Бельского городища и др.), морфологические особенности которых позволяют датировать их не позднее VI в. до н.э. (Подобед, 1993, с. 46, рис. 54: 1; Шрамко, 1987, с. 117, рис. 54: 3).

Ссылаясь на изображения топоров на ассирийских рельефах VII в. до н.э., форма которых, по мнению В.И. Козенковой, совпадает с формой топоров типа III, второго отдела, исследовательница приходит к выводу, что идея формы этого топора, вероятно, была воспринята кавказскими племенами из переднеазиатского вооружения (Козенкова, 1995, с. 73).

Следует упомянуть и находки самих бронзовых топоров, подобных изображенным на ассирийских рельефах, в погребениях Луристана, датирующихся VIII и VII вв. до н.э. (могильники Chamahzi Mumah (п. 53), Gul Khanan Murdah (п. 80), War Kabud (п. В 188) (рис. 6, 1, 2) (Haerinck, Overlaet, 1998, p. 21, ill. 8; Haerinck, Overlaet, 1999, p. 168, pl. 107; Haerinck, Overlaet, 2004, p. 48, fig. 16). С этими топорами, помимо экземпляров с заостренными обушками, можно также сопоставить топоры-клевцы с остроконечным клинком из гробницы 8 могильника Каррас в Пятигорье и п. 18 Ананьинского могильника в Прикамье (Збруева, 1952, табл. XXII, 11; Козенкова 1995, табл. XX, 7). Их определенное типологическое сходство с переднеазиатскими экземплярами, как впрочем и уникальной бронзовой секиры из погребения у Цукурского лимана на Тамани, проявляется в изогнутой форме изделий, оформлении одного из окончаний в виде клевца, а в случае с бронзовым экземпляром и наличие обуха в форме лопасти, декорированной по краю нешироким ободком (рис. 6, 3) (Прушевская 1917, с. 54, рис. 11).

Клевцы из п. 18 Ананьинского могильника, захоронения у Цукурского лимана, а также сближающуюся с ними находку с Трахтемировского городища в Среднем Поднепровье, вероятно, следует относить к первой половине VI в. до н.э., тогда как каррасский клевец является более древним и датируется не позднее конца VII – рубежа VII–VI вв. до н.э. (Ковпаненко, 1967, с. 106, рис. 1: 12;

Вахтина 1993, с. 56; Козенкова, 1995, с. 75; Фіалко, Болтрик, 2003, с. 77, рис. 25: 4).

Помимо каррасского, железные топоры-клевцы выявлены и в некоторых других памятниках Кабардино-Пятигорья – в Каменномостском и Нижне-Чегемском могильниках (Виноградов, 1972, с. 345, рис. 29; Батчаев, 1985, табл. 1, 18), где они датируются преимущественно VI в. до н.э. и, вероятно, свидетельствуют о местном, центральнокавказском производстве этой категории вооружения.

Единственной находкой в Волго-Камье является железный проушной топор с прямоугольным в сечении обухом, симметрично расширяющимся снизу лезвием и слегка смещенным к тыльной части овальным проушным отверстием из п. 71 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 4, 1) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 13, 2а). По мнению А.Х. Халикова, отнесшего это изделие к типу IB, близкий топор происходит из п. 24 Ананьинского могильника (Збруева, 1952, с. 107, табл. XXII, 2; Халиков, 1977, с. 177).

Рассматриваемый топор принадлежит к одному из самых популярных типов железных топоров, получивших распространение к северу и югу от Главного Кавказского хребта в эпоху скифской архаики. Близкие аналогии ему имеются в п. 5, 18, 27 Келермесского грунтового могильника на Кубани, которые морфологически сближаются с центральнокавказскими и закавказскими железными топорами типа 1б по классификации М.Н. Погребовой. Эти топоры из могильников Тлийского (п. 93, 106), Самтаврского (п. 250) и некоторых других датируются второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (рис. 7) (Техов, 1980, рис. 5: 3; 7: 4; Галанина, 1985, с. 163, рис. 3: 7; 4: 14; Галанина, 1989, с. 82, рис. 12; Есаян, Погребова, 1985, с. 80; Mehnert, 2008, taf. 45, 7).

Также единичным экземпляром на Средней Волге представлен топор с прямой спинкой, закругленным лезвием, имеющим заметный выгиб снизу, и молоточковидным, расширяющимся на конце обухом из п. 743 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 4, 5) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 108, 4б). Топоры этой разновидности (тип I второго отдела, по В.И. Козенковой) концентрируются в Центральном Предкавказье, преимущественно, Кабардино-Пятигорье (могильники Султан-Гора III, п. 6; Уллубаганалы II, п. 4; Каррас, гробница X; Лермонтовская скала, п. 2006 г. и др.), и маркируют более молодые в хронологическом отношении памятники

скифской архаики, основной период бытования которых приходится на первую–третью четверти VI в. до н.э. (рис. 8, 3)³ (Козенкова, 1995, с. 72, табл. 19, 1, 4; Березин, Дударев, 2009, с. 267, рис. 5: 1).

На территории Днепровского лесостепного Левобережья аналогичный топор выявлен на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1987, рис. 55: 3).

Помимо описанного выше, к первой половине – середине VI в. до н.э. в Ст. Ахмыловском могильнике (п. 336, 421 и находка 1967 г.), относятся еще три оригинальных топора с полуовальным лезвием и молоточковидным обухом, завершающимся «грибовидной» шляпкой (рис. 1, 4–6)⁴ (Патрушев, Халиков, 1982, с. 56, 73, табл. 56, 4б; 66, 2г; 80, 19). Их дата подтверждается параллелями среди топоров с утолщениями на конце обушка, выявленными на Кавказе (Нижне-Чегемский, Брили, Модинахе, п. 8, Рвели, п. 19), а также в Днепровском лесостепном Поднепровье (курганы 3 у с. Аксютинцы, 448 у с. Журовка, Шумейко и др.) (Иллінська, 1961, рис. 6: 1, 2, 5, 8, 9; Виноградов, 1972, рис. 29: 8; 31: 4; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 11: 1; Merhert 2008, taf. 19, 5; 33, 7; 81, 6).

Мечи и кинжалы

Железные мечи и кинжалы, обнаруженные в памятниках АКИО, также характеризуются значительным типологическим и хронологическим разнообразием.

К числу наиболее архаичных относятся кинжалы из Ст. Ахмыловского могильника (п. 383 и находка 1965 г.) (рис. 9, 1; 10, 1к).

Последний из упомянутых предметов по ряду морфологических признаков (массивное брусковидное навершие, специфический тип перекрестия) сближается с акинаками т.н. «келермесского» типа, однако в отличие от них имеет гладкую рукоятку, что, вероятно, свидетельствует о его принадлежности к младшим образцам этой разновидности оружия (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 55, 1). Мечи «келермесского» типа получили довольно широкое распространение на юге Восточной Европы во второй половине VII в. до н.э. (Черненко, 1980; Техов, 1980а; Ворошилов, 2011, с. 166).

³ Топорик близкой формы, но изготовленный из бронзы, происходит из п. 67 Владимирского могильника близ г. Новороссийска (Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 2: 8).

⁴ Первой половиной VI в. до н.э. по комплексу представленных в них находок датирует п. 336 и 421 Старшего Ахмыловского могильника В.С. Патрушев (1984, с. 82).

Ближайшие территориальные соответствия рассматриваемой находке из Ст. Ахмылова происходят с территории Пензенской области (Старое Захаркино) и Самарского Поволжья (Исаклы) (Ворошилов, 2011, рис. 2: 4; Денисов, 2012, рис. 1).

Что касается кинжала из п. 383 с брусковидным навершием, прямым перекрестием и широким продольным ребром вдоль клинка, то ближайшие соответствия ему известны в п. 205 Тлийского могильника (Южная Осетия), которое по погребальному инвентарю может быть датировано в рамках второй половины – конца VII в. до н.э. (рис. 11, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1к; Техов 1980а, с. 234, рис. 16: 1).

Из Ст. Ахмыловского могильника (п. 711) происходит еще один железный кинжал с длинным брусковидным навершием, плоской рукоятью и продольным ребром на клинке, перекрестие которого не сохранилось (рис. 12, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 104, 9).

Интерес представляет железный кинжал из Ананьинского могильника (раскопки П.А. Пономарева). Он имеет массивное брусковидное навершие, широкую рукоятку с боковыми валиками, уплощенный клинок, а также сердцевидное перекрестие с треугольным выступом в середине верхней части (рис. 13, 1) (Збруева, 1952, с. 101, табл. XXI, 4). Наиболее близкая аналогия ему происходит из кургана в урочище Дарьевка (Среднее Поднепровье), который предположительно относится к концу VII – началу VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, с. 97, табл. XXXIV, 18; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 64).

Значительная в количественном отношении группа кинжалов из различных некрополей Волго-Камья датируется в рамках VI в. до н.э.

В п. 336 Ст. Ахмыловского могильника выявлен кинжал с брусковидным навершием, слегка суженным книзу держакон, массивным перекрестием «почковидных» очертаний и уплощенно-ромбическим в сечении лезвием длиной 37 см (рис. 9, 2) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 56, 4г). Он сопровождался бронзовым наконечником ножен, оформленным в виде стилизованной головы хищной птицы, которая по ряду особенностей (округленное изображение головы, открытый рот в виде овала) сближается с находками первой половины VI в. до н.э. из могильника Фаскау и п. 2 Репяховатой Могилы (рис. 9, 2а) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 11: 7; Вольная, 2015, с. 34, рис. 1: 7; Махортых, 2016, с. 317). С кинжалом из п. 336 сбли-

жаются сходные с ним по форме и времени находки клинкового оружия из п. 1 кург. 4 у с. Гладковщина Черкасской области, а также мог. 6/1909 г. Ольвийского некрополя (Скуднава, 1960, рис. 2: 1; Григорьев, Скорый, 2012, рис. 13: 4).

Железный кинжал из п. 18 Ананьинского могильника длиной 35 см имеет брусковидное навершие, рукоятку с параллельными валиками по краям, перекрестие предположительно «в виде крыльев бабочки» и узкий четырехгранный клинок (рис. 13, 2) (Збруева, 1952, с. 101, табл. XXI, 6). Данный кинжал по характеру оформления сходен с кинжалом из п. 207 Зуевского могильника длиной около 28 см, который, однако, отличается от него уплощенным клинком и более узким навершием в виде прямого бруска⁵ (рис. 13, 3) (Там же, с. 102, табл. XXI, 8).

Подобные кинжалы с боковыми валиками довольно хорошо известны в Кабардино-Пятигорье, а также лесостепном Поднепровье, откуда они, вероятно, и попали в Прикамье (могильник Султан-Гора Ш, п. 6; кург. 77 у с. Куриловка; Трахтемировское городище, отдельные находки близ Киева, Чигирин и пр. (рис. 8, 1, 2) (Ковпаненко, 1981, с. 34, рис. 25: 4; Членова, 1984, с. 237, рис. 2: 1, 2; Козенкова, 1995, с. 61, табл. XIII, 5; Фиалко, Болтрик, 2003, рис. 19: 3–5,7). Наиболее широкое распространение эта разновидность клинкового оружия получила в первой половине VI в. до н.э.

Несколькими экземплярами в ананьинских погребальных комплексах, главным образом, Прикамья, датирующихся VI в. до н.э., а отчасти, возможно, и V в. до н.э., представлены железные кинжалы с антенновидным навершием.

В Ст. Ахмыловском (п. 226 б) и Ананьинском могильниках выявлены изделия с навершиями в виде сильно загнутых и повернутых друг к другу волют, сердцевидным перекрестием и уплощенно-ромбическим в сечении клинком (рис. 12, 4) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 38, 2б; Халиков, 1977, с. 163, рис. 60: 7).

Ряд кинжалов с подобными навершиями, но своеобразно оформленными и отличающимися перекрестьями подпрямоугольных или

«бабочковидных» очертаний, в двух случаях «усиленных» валиками по краям рукояти, происходят из Ананьинского могильника – п. 23, 46 и находка на территории некрополя (Збруева, 1952, с. 171, табл. XXI, 11,13; Халиков, 1977, рис. 60: 8).

К числу особенностей некоторых из упомянутых выше находок относится то, что у кинжала из п. 23 Ананьинского могильника рукоять и клинок были железными, а перекрестие и навершие – бронзовые, тогда как кинжал из п. 46 находился в железных ножнах прямоугольной формы⁶ (рис. 13, 4,5).

В этой связи обращают на себя внимание наконечники ножен из железа, сохранившиеся на некоторых «савроматских» мечях второй половины VI – начала V вв. до н.э. с территории Поволжья (пос. Комсомольский, п. 23; п. 35 кург. 8 Калиновского могильника) (Смирнов, 1961, рис. 2: 4; Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997, рис. 5: 1,2). Они сближаются с подобными находками из таких северокавказских памятников VI в. до н.э., как п. 2 Каменноостского могильника, п. 53 Нестеровского некрополя, кург. 8 Нартана, и, вероятно, являются кавказским вкладом в комплекс «савроматского» вооружения (Козенкова, 1982, табл. 15, 3; 1995, табл. 15, 2; Батчаев, 1985, табл. 25, 9; Махортых, 2016а, с. 135).

Следует упомянуть и бронзовый гладкий наконечник ножен с двумя отверстиями в верхней части, известный вне комплекса из Ананьинского могильника, который находит аналогии в погребениях раннескифской поры (Старшая Могила, кург. 5 у с. Рыжановка и др.), датирующихся не позднее первой половины VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 134, табл. LV, 4).

Что касается биметаллических мечей и кинжалов, в том числе и с антенным навершием, то их бытование не только в эпоху скифской архаики, но и в более позднее время (середина – вторая половина VI в. до н.э.), подтверждается соответствующими находками из степной и лесостепной Скифии –

⁵ Формой перекрестия с двумя упомянутыми выше находками сближается и железный кинжал с обломанным, вероятно, простым антенным навершием из п. 90 Зуевского могильника (Збруева, 1952, табл. XXI, 14), который по обнаруженным вместе с ним бронзовым трехлопастным наконечникам стрел может датироваться второй половиной VI в. до н.э.

⁶ Еще два фрагментированных железных кинжала с бронзовыми напускными перекрестьями происходят в Прикамье из п. 130 Зуевского могильника, а также со II Васюковской стоянки (рис. 13, 6) (Збруева, 1952, табл. XXI, 9; Кузьминых 1983, с. 131, табл. LIII, 10, 11). Ближайшая аналогия VI в. до н.э. зуевскому кинжалу, но в отличие от него полностью изготовленному из железа, обнаруживается в кург. 2 у с. Большемихайловка Днепропетровской области (рис. 14, 4) (Мухопад, 1984, с. 127, рис. 2: 4).

курганы 2 у с. Райгород и 13 у с. Шолохово (Волкобой, Лихачев, Шалобудов, 1979, с. 50, рис. 8: 3; Гречко, 2016, с. 49).

О продолжении использования биметаллической технологии при изготовлении клинкового оружия VI в. до н.э. свидетельствуют и находки оригинальных биметаллических кинжалов с орнаментированными бронзовыми рукоятями в Среднем Поволжье, которые не находят аналогий в скифо-савроматском мире и, вероятно, являются изделиями ананьинских мастеров (п. 704 Ст. Ахмыловского и п. 98 Акозинского могильников) (рис. 12, 2) (Халиков, 1977, с. 163, рис. 60: 9; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105, 1г; Кузьминых, 1983, с. 128; Патрушев, 1984, с. 77).

К числу местных самобытных разновидностей, по всей вероятности, относятся и железные кинжалы из п. 250 и 273 Ст. Ахмыловского могильника, длиной 38 и 35,5 см, отличающиеся своеобразными «грибовидными» навершиями, а в одном случае и дуговидной изогнутым перекрестием, имеющим сходные вырезы снизу и сверху (рис. 9, 3, 4) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 44, 1а; 47, 1а).

Наконечники стрел

О контактах населения АКЦИО с кочевниками Евразии убедительно свидетельствуют бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел, которые, как правило, являются привозными и полностью следуют степной моде⁷ (Кузьминых, 1983, с. 174; Патрушев, 1984, с. 96).

Наиболее информативные и достоверные археологические комплексы Волго-Камья VII–VI вв. до н.э., содержащие бронзовые наконечники стрел, обнаружены в Ст. Ахмыловском могильнике, поэтому они и будут привлекать наше основное внимание.

Они представлены как единичными находками (п. 357, 585, 623, 856, 950), так и колчанными наборами, насчитывающими от 4–5 до 45 экземпляров (п. 359, 383, 704, 926, 949) (рис. 15) (Халиков, 1977, с. 208, рис. 77: 2,3,5,8,11,14–22; Халиков, Патрушев, 1982, табл. 91, 1в; 121,5а; 130; 133, 2а; Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 9–15,18–29,44–54; XLIX, 1–59; L, 1–20). Последние представляют наибольший интерес как с точки зрения хронологии, так и установления направления контактов ананьинского населения в раннескифский период.

⁷ Сводка бронзовых наконечников стрел в ананьинских памятниках, а также их детальная типология осуществлена С.В. Кузьминых (1983, с. 102–121).

Среди архаичных комплексов выделяется п. 383 с тремя бронзовыми двухлопастными наконечниками, два из которых имели ромбовидную и ассиметрично-ромбическую головки (рис. 10, 1а,1б,1д) (Халиков, Патрушев, 1982, табл. 63, 1а,1б,1д; Кузьминых, 1983, табл. XLIX, 43–45). На основании сопутствующего инвентаря и, в частности, предметов вооружения (железные кинжал с прямым перекрестьем и наконечник копья с дуговидной выпуклыми лопастями), а также конского убора (пара бронзовых стремячководных удил и «стремявидная» пронизь), это погребение, вероятно, следует датировать в рамках второй половины – конца VII в. до н.э.

Более 10 бронзовых ромбических и ассиметрично-ромбических наконечников стрел происходит также из Ананьинского могильника, где они датируются VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с. 208 рис. 77: 9; Кузьминых, 1983, с. 105, табл. XLIII, 19–36). Примечательно, что ромбический наконечник стрелы имеется и в составе колчанного набора п. С этого же некрополя, в котором преобладали трехгранные наконечники, в том числе и со скрытой втулкой (Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 35).

Примеры обнаружения бронзовых наконечников стрел с пером ромбической формы на Древнем Востоке, например, среди материалов, относящихся ко времени штурма Ниневии в конце VII в. до н.э., а также в кочевнических захоронениях второй половины VII в. до н.э., а возможно и первой половины VI в. до н.э. на юге Восточной Европы (кург. 1 могильника Осняги в округе Бельского городища, кург. 1 п. 1 близ с. Карпуси под Полтавой и др. (Шрамко, 1987, рис.71: 1; Супруненко, Золотницкий, Кулатова, 1996, рис.15: 1; Pickworth, 2005, fig. 35), указывают на то, что они не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н.э. (Махортых, 2014, с.75).

Несколько бронзовых двухлопастных наконечников стрел, в том числе и с ромбическими очертаниями пера, выявлено, в п. 926 Ст. Ахмыловского могильника, содержащего два самых многочисленных колчанных набора (45 экземпляров) в этом некрополе (рис. 15, 1–41) (Кузьминых, 1983, табл. XLIX, 1–42). В этих наборах доминируют трехлопастные наконечники стрел «скифских» типов, представленные несколькими разновидностями: с листовидным в плане пером и выступаю-

щей втулкой, зачастую снабженной боковым шипом, а также со сводчатой головкой, заостренными или скошенными окончаниями лопастей, нависающими над выступающей втулкой⁸.

Помимо этого, в этом захоронении выявлены бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники со скрытой втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами, а также бронзовые черешковые наконечники с округлым, уплощенным черешком и трехлопастным пером, которые указывают на связи ананьинцев с Южным Уралом и Казахстаном (рис. 15, 31–33, 36, 37) (Кузьминых, 1983; Очир-Горяева, 2014, с. 272, илл. 1: 12).

Подобные т.н. «смешанные» колчаные наборы, содержащие бронзовые наконечники стрел «западных» и «восточных» типов раннескифского времени, датируются преимущественно в рамках первой половины VI в. до н.э. Они известны также на Южном Урале (п. 1 в кург. 59 могильника Целинный и п. 1 в кург. 17 могильника Покровка 2 (Яблонский, Трунаева, Веддер, Девис-Кимболл, 1994, с. 40, рис. 82; 83; Гуцалов, 1998, с. 129, рис. 3).

Более позднюю хронологическую позицию в рамках VI в. до н.э. занимают п. 578 и 750 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 15, 57–79). Выявленные там колчаные наборы состоят из трехлопастных и трехгранных наконечников стрел различных типов, в том числе и со скрытой втулкой. Они находят аналогии в кочевнических памятниках Нижнего Поволжья и Южного Урала, датирующихся, главным образом, второй половиной VI в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 36, рис. 5: 4а; Кузьминых, 1983, с. 108, 119; Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997, с. 134, рис. 6; Очир-Горяева, 2014, с. 272, илл. 1: 13.)

По мнению С.В. Кузьминых, массовое появление на Средней Волге и Каме втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел начинается лишь в VI в. до н.э. и связано с формированием савроматского

единства в степях между Волгой и Уралом (Кузьминых, 1983, с. 118).

Конский убор

Представлен удилами, псалиями, уздечными бляхами и пронизиями.

Три экземпляра бронзовых стремячководных удил, длиной от 17,7 до 18,5 см найдены в п. 383 и 524 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 10, 1р, 1с; 18, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1р, 1с; 82, 1в). Два из них имеют гладкие стержни, а у одного они украшены орнаментом в виде елочки, который находит параллели как в декоре встреченной в этом же погребении бронзовой застежки с грибовидными окончаниями, так и знаменитых келермесской секиры и меча, а также в костяных навершиях из Тлийского могильника (п. 216) и Западного Бельского городища (помещение 9 зольник 28). Все эти аналогии датируются в рамках второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. (Техов, 1980, с. 37, рис. 17; Галанина, 1997; Шрамко, 2015, с. 499, илл. 1: в).

Тип металлических удил со стремячководными наружными петлями является ведущим для конской упряжи VII в. до н.э. на юге Восточной Европы. Среди них выделяется несколько разновидностей. Бронзовые экземпляры с треугольно-конечными внешними петлями, характерные, главным образом, для протомеотских памятников Северного Кавказа и представленные также в п. 383 Ст. Ахмыловского могильника, в раннескифский период встречаются редко (например, Келермес, кург. 19, п. 5). Однако близкие образцы, изготовленные из железа, хорошо известны в скифских захоронениях VII–VI вв. до н.э. Днепровского лесостепного Правобережья (Долиняны, кург. 4; Ленковцы; Перебыковцы, кург. 2; Журовка, кург. 406; Пешки, кург. 361; Пищальники) (Эрлих, 2007, с. 118; Махортых, 2013, с. 168, рис. 5: 1-4).

Комплексы со стремячководными удилами из п. 383 и 524 Ст. Ахмыловского могильника датируются В.С. Патрушевым второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (Патрушев, 1984, с. 106, 108).

Наиболее многочисленными в ананьинских памятниках являются железные петельчатые удила, при этом основной территорией их распространения, как и в случае с бронзовыми стремячководными удилами, является Среднее Поволжье. В Прикамье предметы конского снаряжения встречаются значительно реже.

В Ст. Ахмыловском могильнике железные петельчатые удила найдены в п. 110, 563,

⁸ Сочетание близких разновидностей бронзовых двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел, как правило, с преобладанием последних, зафиксировано и в ряде других захоронений Ст. Ахмыловского могильника (п. 359, 704, 949), которые, вероятно, близки по времени с рассматриваемым п. 926 этого некрополя (рис. 15, 42–56) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 62, 2а-г; 133, 1а-1к; Кузьминых, 1983, табл. L, 1–6). Сближаются с упомянутыми выше и некоторые трехлопастные наконечники стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой из Зуевского могильника, например, п. 90 (Кузьминых, 1983, табл. XLV, 4,5).

605, 900 (рис. 17, 1е; 18, 5) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 19, 3б; 85, 3в; 92, 6ж; 127, 1е). Помимо этого, еще четыре отдельных звена удила этого типа обнаружены на территории могильника вне комплексов (рис. 18, 14) (Патрушев, 1984, рис. 52: 45–48).

Находки железных удила с загнутыми внешними окончаниями известны также в Акозинском (п. 83, 98) и Зуевском могильниках (рис. 16, 16; 18, 11) (Збруева, 1952, табл. XII, 3; Халиков, 1977, с. 29, рис. 8: 16). Общая длина удила этого типа в среднем составляет 18–20 см.

Интерес представляет также комплекс из с. Янада б. Тетюшского у. Казанской губ., состоящий из обломка бронзовых петельчатых псалиев и бронзовых петельчатых удила, изготовленных в той же технике, что и железные (Халиков, 1977, с. 225, рис. 81: 13, 14). Близкие бронзовые двучастные удила с окончаниями, загнутыми в петли, известны в памятниках кочевников Южного Урала конца VI–V в. до н.э. По мнению М.В. Стародубцева, в данных удилах были соединены новые формы петельчатых окончаний, привнесенные с запада, с традициями обработки бронзы, характерными для восточных территорий (Стародубцев, 2012, с. 54, рис. 1: 1–7).

Железные удила с концами, загнутыми в кольцевидные петли, стали применяться в северокавказских уздечках, вероятно, не позднее второй половины VII в. до н.э. Эта форма удила, два звена которых состояли из округлых или прямоугольных в сечении стержней, получив со временем широкое распространение, без особых конструктивных изменений продолжала бытовать на юге Восточной Европы в течение всей скифской эпохи (Махортых, 1991, с. 68; Галанина, 1999, с. 63). Находки раннескифских железных петельчатых удила особенно широкое распространение получили в Закубанья и Днепровском лесостепном Левобережья в конце VII и/или VI вв. до н.э. В Марийском Поволжье железные петельчатые удила появляются в основном в VI в. до н.э. (Патрушев, 1984, с. 106).

Псалии, сопровождающие рассматриваемые петельчатые удила, также изготовлены из железа и включают несколько модификаций.

Наиболее ранние из них найдены в п. 110 и 524 Ст. Ахмыловского могильника и выполнены в виде трехпетельчатых стержневидных экземпляров прямой или слегка изогнутой в верхней части формы, где имеется шишкообразное утолщение (рис. 18, 7, 8). Их длина

составляет около 16–17 см (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 19, 3в, 3 г; 82, 2а).

Железные и, реже, бронзовые трехпетельчатые стержневидные псалии довольно хорошо известны на Северном Кавказе, где этот тип был господствующим в уздечках раннескифского типа (Галанина, 1997; Петренко, 2006, с. 75; Махортых, 2015, с. 109). Эти псалии обнаружены в скифских комплексах у хут. Красное Знамя, в Келермесских и Нартановских курганах. Сближаясь между собой наличием петель, они отличаются прямым или загнутым концом стержня и оформлением его окончаний разного рода шишечками, зооморфными изображениями и т.д.

Железные стержневидные псалии с боковыми петлями VII–VI вв. до н.э. на территории украинской лесостепи концентрируются преимущественно в Посулье и бассейне Тясмина, где известно более 80 экземпляров (Ллїнська, 1961, с. 45; Могилов, 2008, с. 31).

В Предкавказье рассматриваемые железные псалии встречаются, главным образом, в VII в. до н.э. вместе с бронзовыми и железными стремячквидными удилами. Иная картина в лесостепной Украине, и в частности бассейне Ворсклы и Посулье, где преобладает их сочетание с железными петельчатыми удилами, что, вероятно, является свидетельством более молодой хронологической позиции причерноморских комплексов.

С рассматриваемыми трехпетельчатыми псалиями во времени сближаются и железные трехдырчатые псалии из п. 98 Акозинского могильника, которые состоят из изогнутого в верхней части и завершающегося конической головкой стержня. Его центральная часть расширена и имеет три круглых отверстия (рис. 18, 12, 13). Комплекс этого погребения датируется А.Х. Халиковым рубежом VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с. 223, рис. 82: 2).

Близкие железные трехдырчатые псалии происходят из раннескифских захоронений Центрального Предкавказья (курган у г. Новопавловска) и Днепровского лесостепного Поднепровья (кург. 10 Скоробор; кург. 1 Перемирки; кург. 8 Константиновки; Коцюбинчики 2), где они датируются концом VII – началом или первой половиной VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, табл. XIII, 10–12; Ильинская, 1968, с. 106, табл. XXXI, 1, 2; Канторович, Петренко, Маслов, 2007, с. 194, рис. 38: 3; Бандрицкий, 2009; Махортых, 2015).

Следует упомянуть также бронзовый трехдырчатый Г-образный псалий с небольшими утолщениями на концах из погребения

7 Мурзихинского I (IV) могильника (рис. 18, 10) (Чижевский, 2008, рис. 42: 3).

Интерес представляет и оригинальный железный псалий в виде плоской пластины, с тремя круглыми отверстиями, заканчивающейся округлыми стержнями, изогнутыми с одного конца, из Акозинского могильника (раскопки 1971 г.) (рис. 18, 9) (Халиков, 1977, рис. 82: 3). Аналогии ему известны в кург. 2 у с. Перебыковцы на Среднем Днестре, который датируется первой половиной – серединой VI в. до н.э. (Смирнова, 1979, с. 50, рис. 9: 4).

В отличие от рассмотренных выше железные псалии из п. 563 и 900 Ст. Ахмыловского, а также Зуевского могильников относятся к типу двухпетельчатых, основное время бытования которых приходится на середину – вторую половину VI в. до н.э. (рис. 17, 1е) (Збруева, 1952, табл. XII, 4; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 85, 3а; 127, 1е).

Переход к металлическим двудырчатым псалиям, знаменующий значительные изменения в системе взнуздывания лошадей, фиксируется на юге Восточной Европы во второй половине – конце VI в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 117; Эрлих, 2015, с. 47). Сначала это были двухпетельчатые псалии, как, например, экземпляры из кургана Шумейко в Посулье, Ульском кургане 1982/10 в Адыгее или кург. 1 могильника Кривая Лука в Поволжье. Затем петли заменяются отверстиями в утолщениях, поскольку изготовление последних при помощи ковки представляло меньшую трудность, чем изготовление петель⁹ (Ильинская, 1968, рис. 24; Очир-Горяева, Дворниченко, 2007, рис. 1: 6; Эрлих, 2015, табл. 16, 218; 17, 255).

Помимо удила и псалиев скифо-кавказские образцы оказали влияние и на появление у «ананьинцев» бронзовых зооморфных пронизей, оформленных в виде длинного тонкого «клюва» (п. 70 Ст. Ахмыловского могильника) или морды лошади (п. 2 Убеевского могильника) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 13, 16; Чижевский, 2008, с. 39, рис. 28: 22). Они находят аналогии, главным образом, в памятниках VI в. до н.э. Днепровского лесостепного Поднепровья и значительно реже Кавказа (Тейшебаини) (рис. 18, 15, 16) (Ильинская, 1968, с. 71–73 рис. 24; 25; Могилов, 2008, с. 68, рис. 128: 26–38; Рябкова, 2012, с. 376, табл. 1, 2).

⁹ Д.С. Гречко считает железные двухпетельчатые псалии, выявленные на юге Восточной Европы, последним и, по-видимому, тупиковым звеном в цепи эволюции развития данной формы псалиев раннескифского времени (Гречко, 2016, с. 50).

К более раннему времени, вероятно, второй половине VII в. до н.э., относится бронзовая бляшка со щитком, на котором имеются три кружка, происходящая с территории Мурзихинского I (IV) могильника (рис. 18, 17) (Руденко, 2002, рис. 28: 23). Бляшки с трехкружковым орнаментом являются редким типом уздечных украшений и находят аналогии на Северо-Западном Кавказе – могильниках Келермесском (кург. 2/В, уздечный набор коня 9) и Владимировском (п. 99) (Галанина, 1997, с. 241, табл. 23, 264; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 4: 22).

В Ст. Ахмыловском (п. 104) и Мурзихинском I (IV) (п. 3) могильниках представлен и другой тип бронзовых гладких пронизей с выпуклым верхом, круглыми или овальными боковыми отверстиями, находящий аналогии в раннескифских памятниках Днепровского лесостепного Левобережья (рис. 18, 18–20) (Патрушев, Халиков, 1982, с. 154, табл. 17, 16-в; Руденко, 2002, рис. 25: 16; Могилов, 2008, с. 67, табл. 128, 1–14).

Приведенные выше свидетельства, список которых можно продолжить, указывают на существование довольно тесных связей Предкавказья и Днепровского лесостепного Поднепровья с Волго-Камьем. Эти контакты прослеживаются на протяжении большей части раннескифского времени, хотя пик их приходится на вторую половину VII – первую половину VI в. до н.э.

Предметы вооружения и конского снаряжения скифского облика, выявленные в памятниках АИКО, отличаются значительным типологическим и хронологическим разнообразием. Среди них выделяются две хронологические группы изделий. Первая, более ранняя, датирующаяся, главным образом, второй половиной – концом VII в. до н.э., представлена железными топорами с двумя лезвиями или же заостренным обушком, клинковым оружием «келермесского» типа, а также кинжалами с прямым перекрестием, бронзовыми стремячковидными удилами, наконечниками стрел с пером ромбовидных очертаний и пр. Основной областью распространения этих артефактов является Среднее Поволжье.

Вторая группа предметов является более молодой в хронологическом отношении и датируется преимущественно первой половиной – серединой VI в. до н.э. Она представлена железными топорами, имеющими утолщения на обухе, кинжалами с антенновидными навершиями и разнообразными перекрестием

ями, трехлопастными наконечниками стрел различных модификаций, железными петельчатыми удилами, бронзовыми пронизями и пр. Наряду со Средней Волгой, следует отметить значительную концентрацию некоторых из перечисленных выше предметов, и в особенности железных кинжалов «скифских» типов, в Прикамье.

Представляется достаточно очевидным, что мы имеем дело с довольно четким культурным импульсом, свидетельствующим о прямом проникновении в Волго-Камье неко-

торых категорий изделий VII–VI вв. до н.э., рассмотрение которых позволяет расширить существующие представления о «западном» направлении связей населения АКЮ. Можно предполагать, что появление в раннеананьинских комплексах различных категорий импортных изделий было обусловлено сочетанием нескольких путей проникновения, обусловленных целым рядом факторов, рассмотрению которых мы планируем посвятить специальную работу.

ЛИТЕРАТУРА

Бандриевский М. Элементи церемоніальної колісниці VII ст. до. нар. хр. на Тернопільщині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 13 / Отв. ред. О. Ситник. Львів: ІУ НАНУ, 2009. С. 215–233.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского времени // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи бронзы и раннего железа / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время: (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1972. 387 с.

Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор: (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 51–58.

Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1979. С. 45–60.

Вольная Г. Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. 2015. № 1. С. 19–31.

Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Отв. ред. В.Д. Березуцкий и др. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 156–168

Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского грунтового могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–164.

Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов, П.У. Аутлев. Майкоп: Адыгблполиграфия, 1989. С. 74–102.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с. (Серия «Степные народы Евразии». Т. 1)

Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 58–67.

Григорьев В.П., Скорый С.А. Курганы у с. Гладковщина – памятники эпохи скифской архаики в Левобережной террасовой лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa / Wojciech Blajer (red.). Krakow: Wydawnictwo Profil-Archeo, 2012. С. 441–459.

Гуцалов С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1998. С. 127–136.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141.

Денисов А.В. Меч келермесского типа с территории Самарской области // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 65–67.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991. 122 с.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 151 с.

Іллінська В. А. Скіфські сокири // Археологія. 1961. Т. XII. С. 27–53.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясьмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. 222 с.

- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–64.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА; № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е.* Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 168–207.
- Ковпаненко Г.Т.* Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. Вып. 1 / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1967. С.103–106.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 333 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Т. 4: Западный вариант (систематизация и хронология) / САИ. Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1995. 165 с.
- Козенкова В.И., Найдено А.В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольского край) // СА. 1980. № 1. С. 195–210.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: ММНК / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000. С. 104–113.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: Школа, 2009. С. 29–55.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 132 с.
- Махортых С.В.* Раннескифские удила на юге Восточной Европы // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12 / Отв. ред. С.И.Посохов. Харьков: НТМТ, 2013. С. 163–178.
- Махортых С.В.* Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologică, serie nouă. Vol. X, nr. 1-2. Кишинев, 2014. С. 69–78.
- Махортых С.В.* Конское снаряжение раннескифского времени на юге Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку / Археологія і давня історія України. Вип. 2 (15) / Отв. ред. С.А.Скорий. Київ: ІА НАНУ, 2015. С. 103–114.
- Махортых С.В.* Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА МОН РК, 2016. С. 297–323.
- Махортых С.В.* К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьем и Южным Уралом в VI в. до н.э. // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / Отв. ред. О. Онгарулы. Алматы: ИА МОН РК, 2016а. С. 128–141.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.
- Очир-Горяева М.А.* Колчаные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 265–281.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 229 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Петровська Є.О.* Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. № 21. С. 164–174.
- Прушевская Е.О.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31–58.
- Руденко К.А.* Остров “Мурзиха” и его окрестности. Казань: Школа, 2002. 207 с.
- Рябкова Т.В.* Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // Российский археологический ежегодник. №2 / Отв. ред. С.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 360–382.
- Скуднова В.М.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // Записки Одесского археологического общества. Т. 1 (34) / Отв. ред. М.С. Синицын. Одесса: Одес. кн. изд-во, 1960. С. 60–74.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 168 с.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Супруненко О, Золотницький Б, Кулатова І. Кургани біля с. Карпусі під Полтавою. Полтава: Археологія, 1996. 85 с.

Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 93 с.

Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центральная Кавказа в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980а. С. 219–257.

Фиалко О, Болтрик Ю. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ: ІА НАНУ, 2003. 150 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 261 с.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–30.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1984. С. 235–241.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (*город Гелон*). Киев: Наукова думка, 1987. 182 с.

Шрамко И.Б. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды Государственного Эрмитажа; Т. 77 / Науч. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 487–511.

Шишлов А.В, Федоренко Н.В, Колтакова А.В, Кононенко А.П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Вып. 5. Новороссийск: Вариант, 2007. С. 4–19.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. 425 с.

Яблонский Л.Т, Трунаева Т.Н, Веддер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников «Покровка 1» и «Покровка 2» в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Отв. Ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1994. С. 4–60.

Anlagen G., Bilgi Ö. Weapons of the Protohistoric Age. İstanbul: Sadberk Hanım Müzesi, 1989. 119 p.

Haerinck E., Overlaet B. Chamahzi Mumah. An Iron Age III Graveyard / Luristan Excavation Documents 2 (Acta Iranica 35). Leuven, 1998. 218 p.

Haerinck E., Overlaet B. Djub-i and Gul Khanan Murdah. Iron Age III graveyards in the Aivan plain / Luristan Excavation Documents 3 (Acta Iranica 35). Leuven, 1999. 245 p.

Haerinck E., Overlaet B. The Iron Age III graveyard at War Kabud Pusht-i Kuh, Luristan / Luristan excavation documents 5 (Acta Iranica 42). Leuven, 2004. 293 p.

Hrouda B. Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes // E. Ebeling & B. Meissner (eds.). Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 2. Bonn, 1965. 211 s.

Mehnert G. Skythika in Transkaukasien: reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Wiesbaden, 2008. 320 s.

Pickworth D. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate // Iraq. Vol. 67, no. 1. Pp. 295–316.

Информация об авторе:

Махортых Сергей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (г. Киев, Украина); makhortykh@yahoo.com

THE SCYTHIAN-CAUCASIAN DIRECTION OF CONTACTS OF THE POPULATION OF THE ANANYINO CULTURE IN 7TH-6TH CENTURIES B.C.¹⁰

S.V. Makhortykh

The paper considers the relations of the North Caucasus and the forest-steppe Dnieper region with the Volga-Kama region. These contacts are traced for the most part of the Early Scythian period, although the peak of their activity corresponds to the second half of 7th - first half of 6th centuries B.C. The armament and horse harness items with a Scythian appearance discovered at the sites of the Ananyino culture are distinguished by a

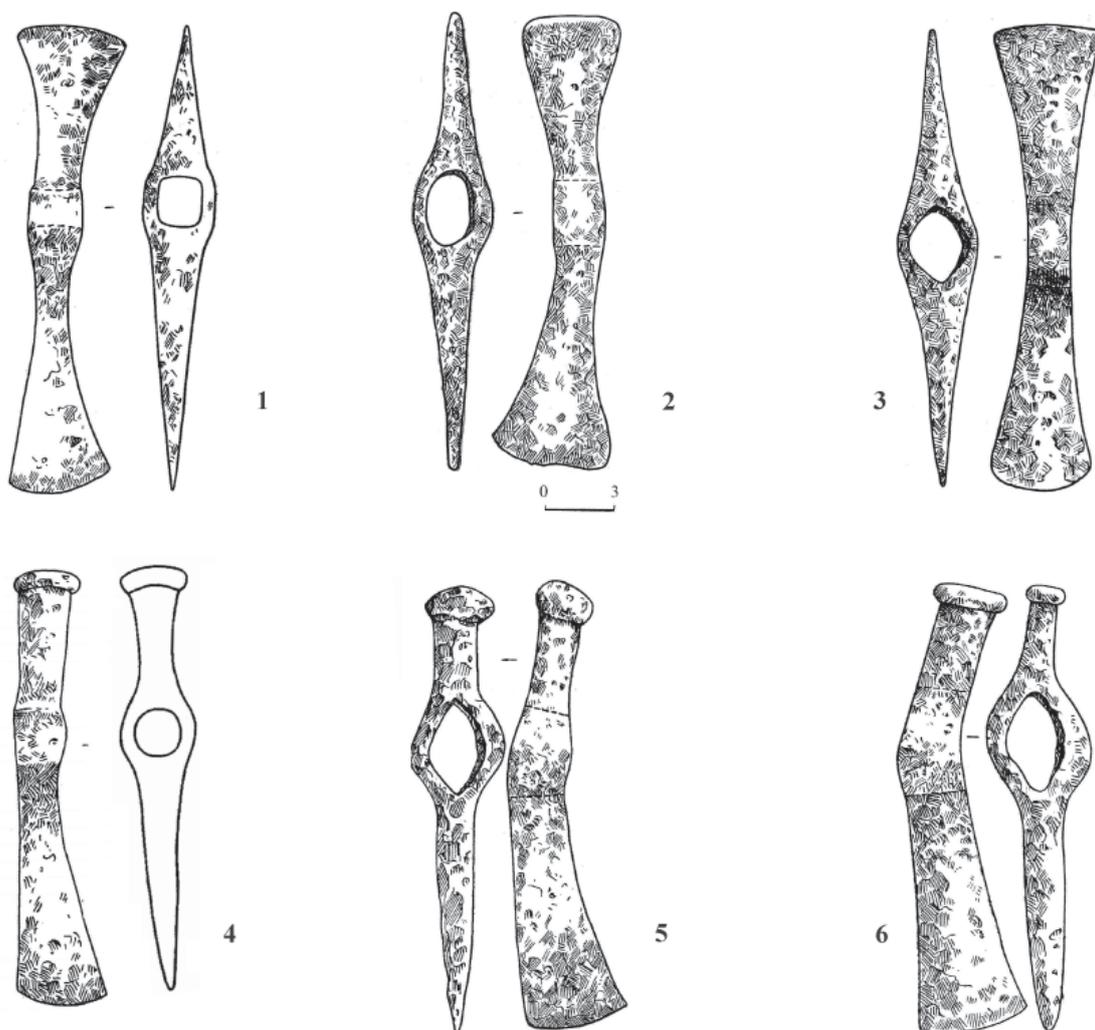
¹⁰ The author expresses his gratitude to the Swiss National Science Foundation (SNF) for the support of this publication within the framework of the project IZ73Z0_152732 / 1

significant typological and chronological diversity. They comprise two chronological groups. The first earlier group generally dated the second half - late 7th century B.C. is represented by iron axes with a double blade or a pointed back and blade weapons of the 'kelermes' type, as well as daggers with a straight crossguard, bronze stirrup-shaped bits, socketed arrowheads with rhombic feathers, etc. The primary distribution area of these artefacts is the Middle Volga region. The second group of items is newer in terms of chronology, and it is primarily dated the first half - middle of the 6th century B.C. It is represented by iron axes with wider backs, daggers with antenna-shaped finials and various crossguards, three-lobed arrowheads of various modifications, iron looped bits, bronze harness attachments, etc. Along with the Middle Volga, significant concentrations of certain aforesaid items, particularly the iron daggers of the 'Scythian' type have also been discovered in the Kama region.

Keywords: Ananyino cultural and historical region, Scythians, Caucasus, armament and horse harness; 7th-6th centuries B.C.

Information about the author:

Makhortykh Sergey V., Dr. Hab (History), Principal research scientist, Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences (Kiev, Ukraine); makhortykh@yahoo.com

Рис. 1. Железные боевые топоры из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – погребение 183; 2 – погребение 808; 3 – раскоп 1969 г.; 4 – погребение 336; 5 – погребение 421; 6 – раскоп 1967 г. (по: Патрушев, Халиков, 1982).

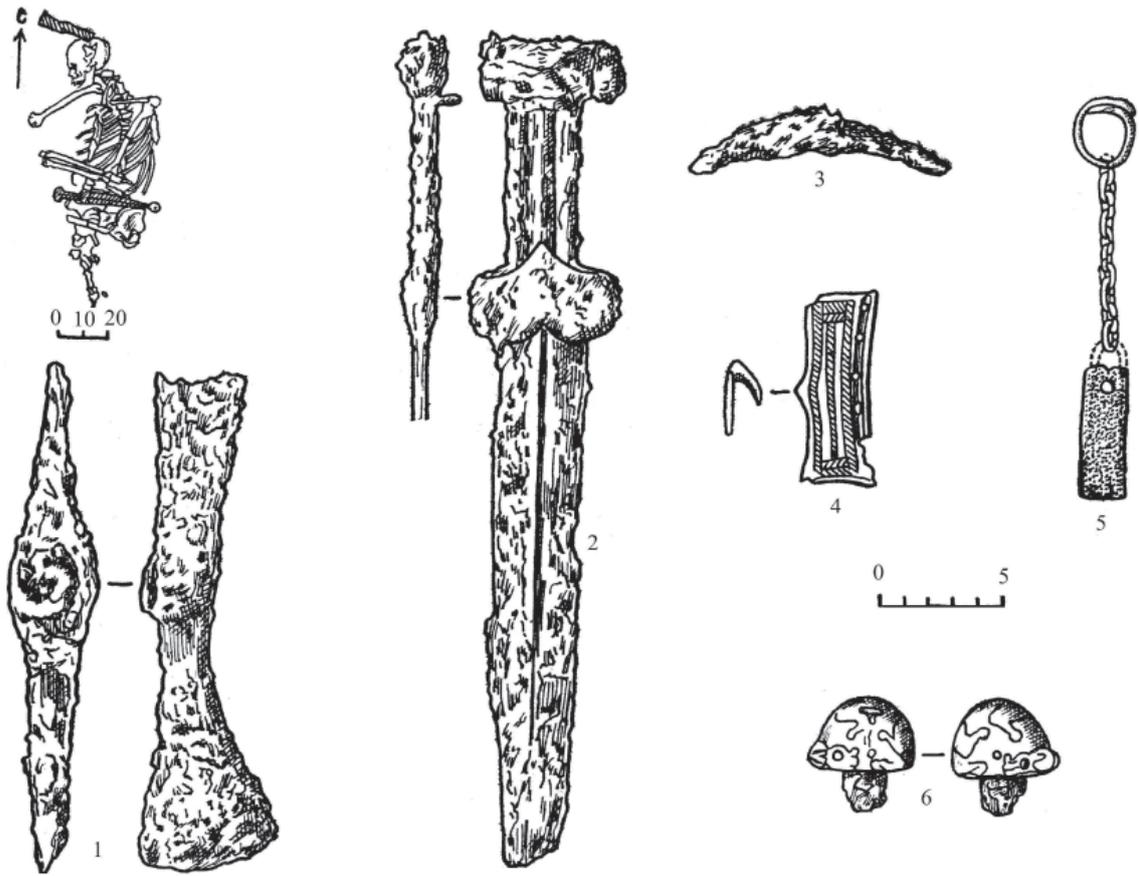

Рис. 2. Погребение и инвентарный комплекс 164 Тлийского могильника (по: Техов, 1980).

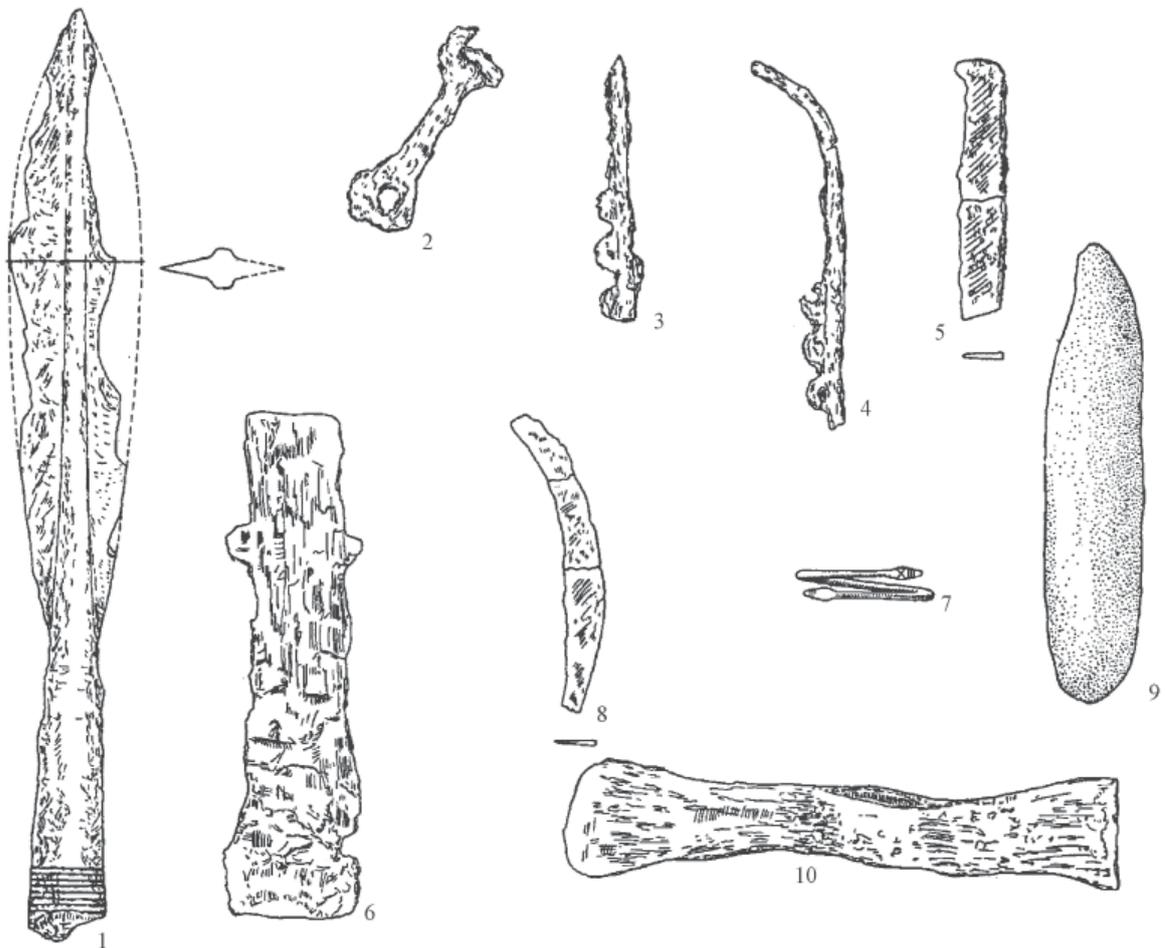

Рис. 3. Погребальный инвентарь кургана у с. Малая Офирна (по: Петровская, 1968).

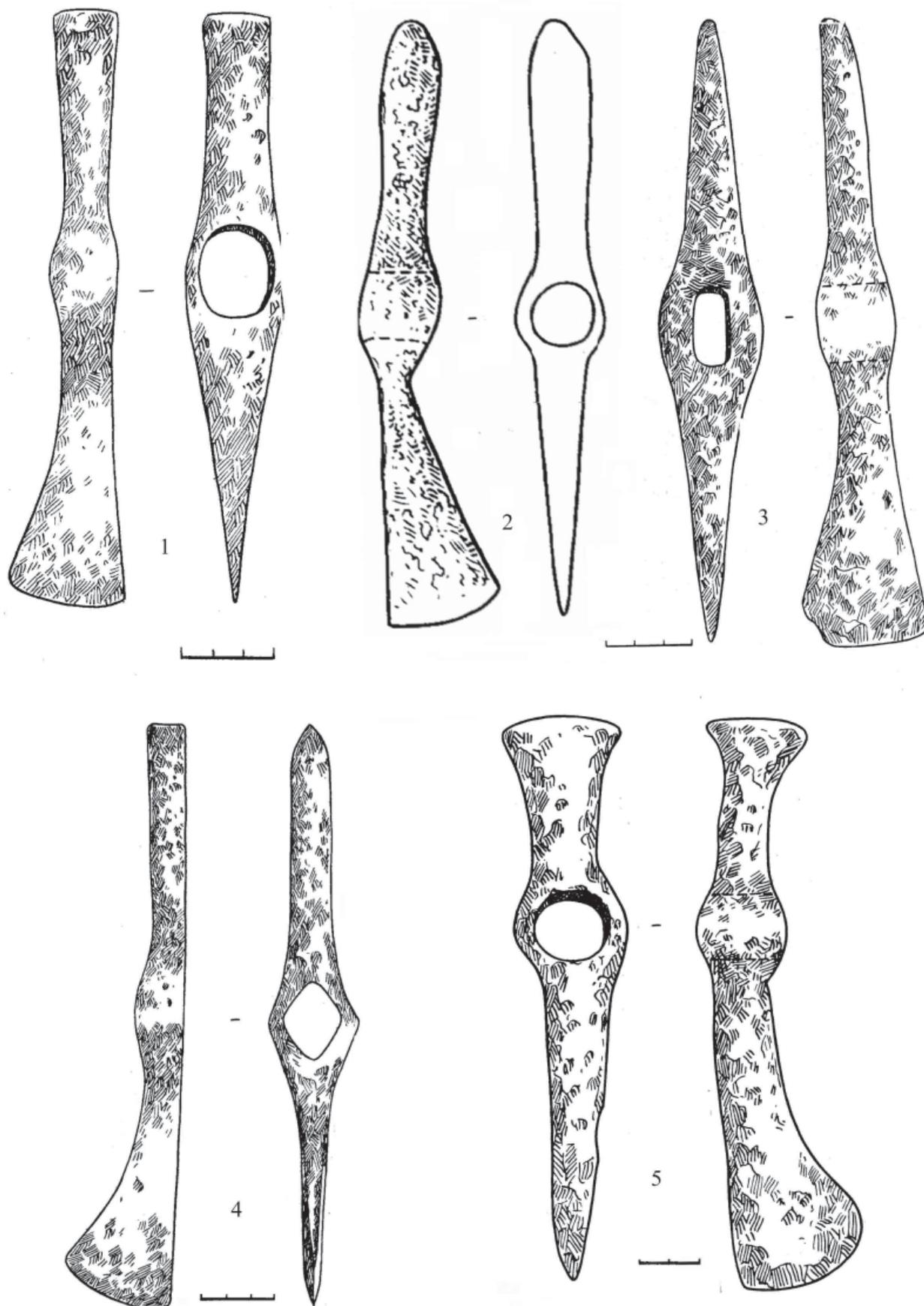

Рис. 4. Железные боевые топоры из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – погребение 71; 2 – погребение 543; 3 – погребение 909; 4 – раскоп 1962; 5 – погребение 743 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

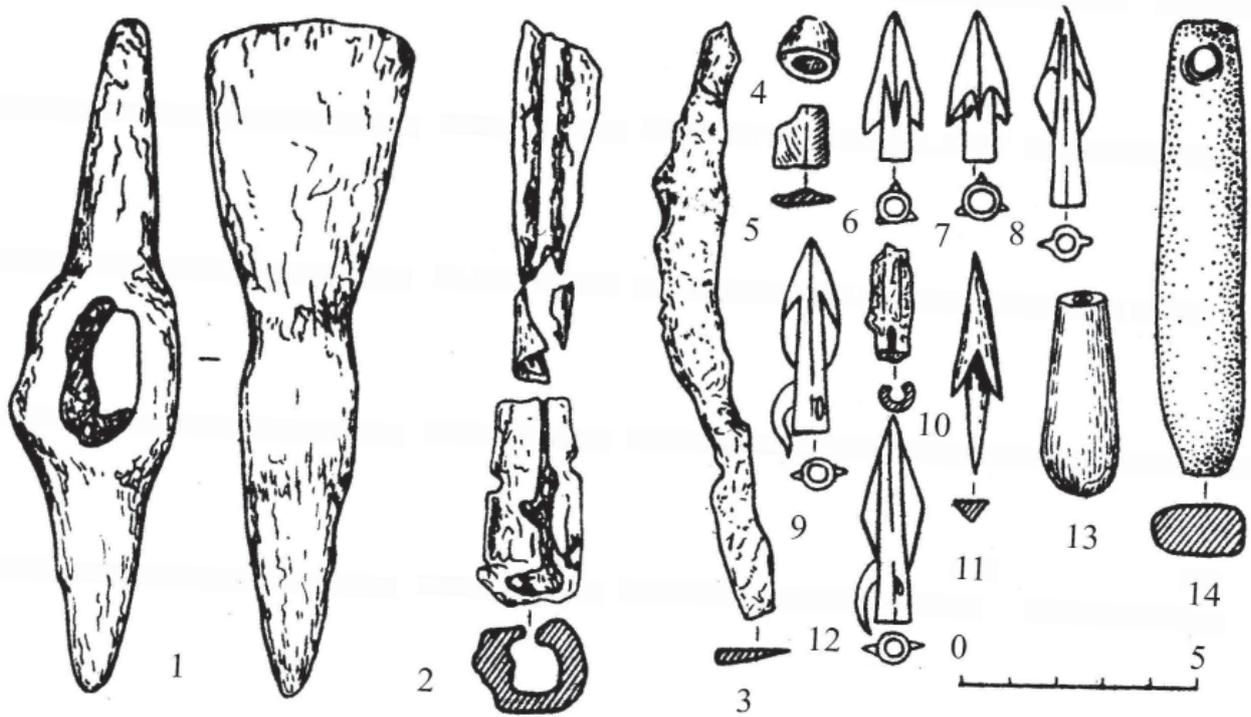

Рис. 5. Погребальный инвентарь из погребения 1 могильника у станицы Исправной (по: Козенкова, Найдено, 1980).

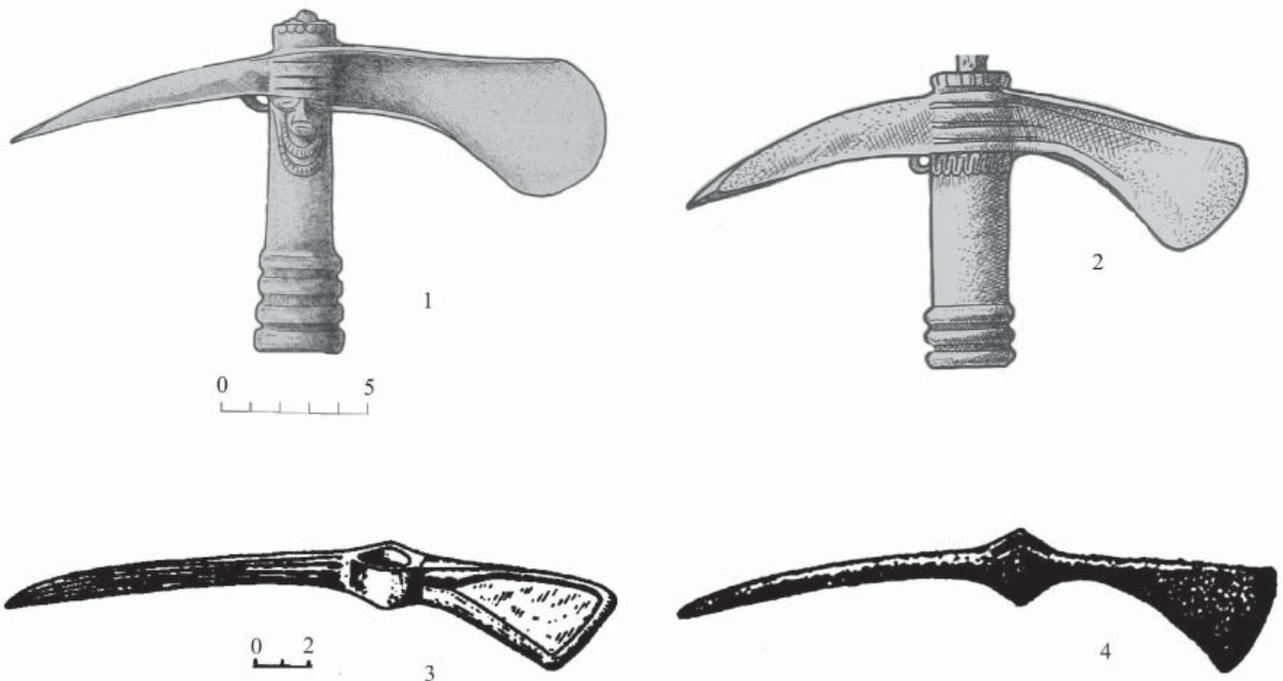

Рис. 6. Металлические топоры-клевцы из памятников Луристана и Восточной Европы: 1 – War Kabud (погребение В 188) ; 2 – Gul Khanan Murdah (погребение 80); 3 – курган близ Цукурского лимана; 4 – Трахтемировское городище (по: Мельюкова 1964; Ковпаненко 1967; Haerinck, Overlaet, 1999; Haerinck, Overlaet, 2004).

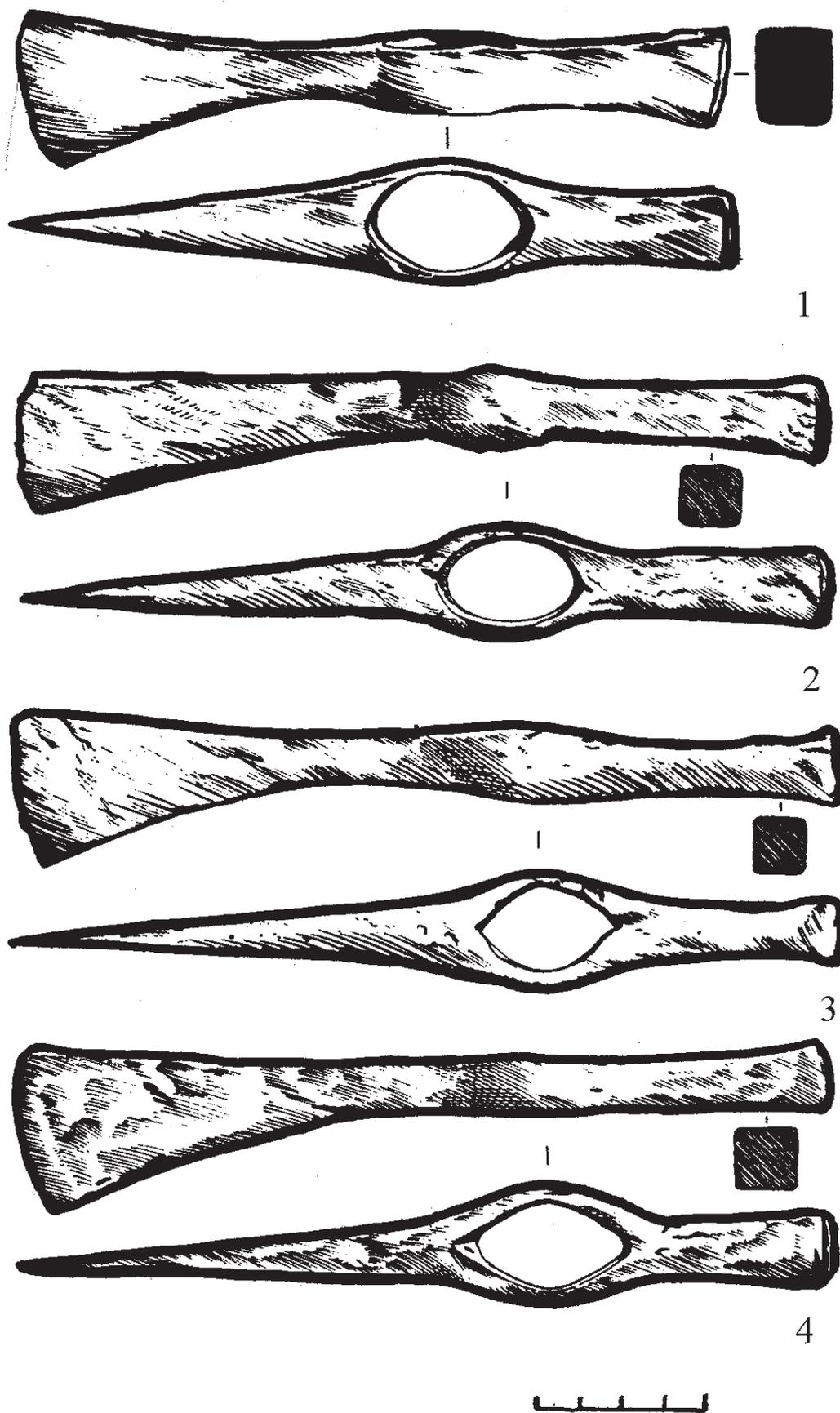

Рис. 7. Железные боевые топоры из Келермесского грунтового могильника: 1 – погребение 27; 2 – погребение 18; 3 – погребение 29; 4 – погребение 23 (по: Галанина, 1989).

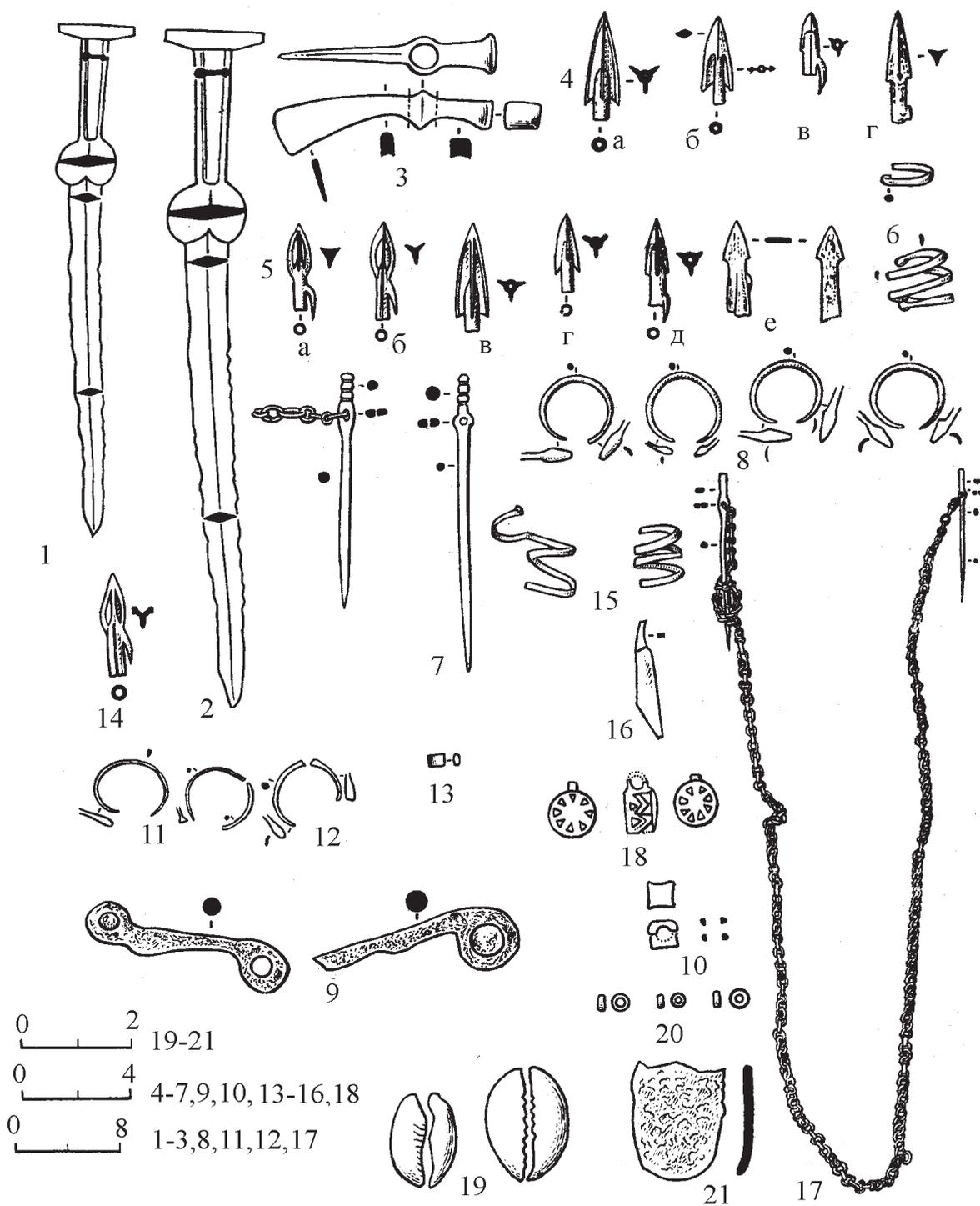

Рис. 8. Находки из сооружения 1 могильника Султан-гора Ш (1, 3-21) и Мало-Карачаевского района (2) (по: Членова, 1984).

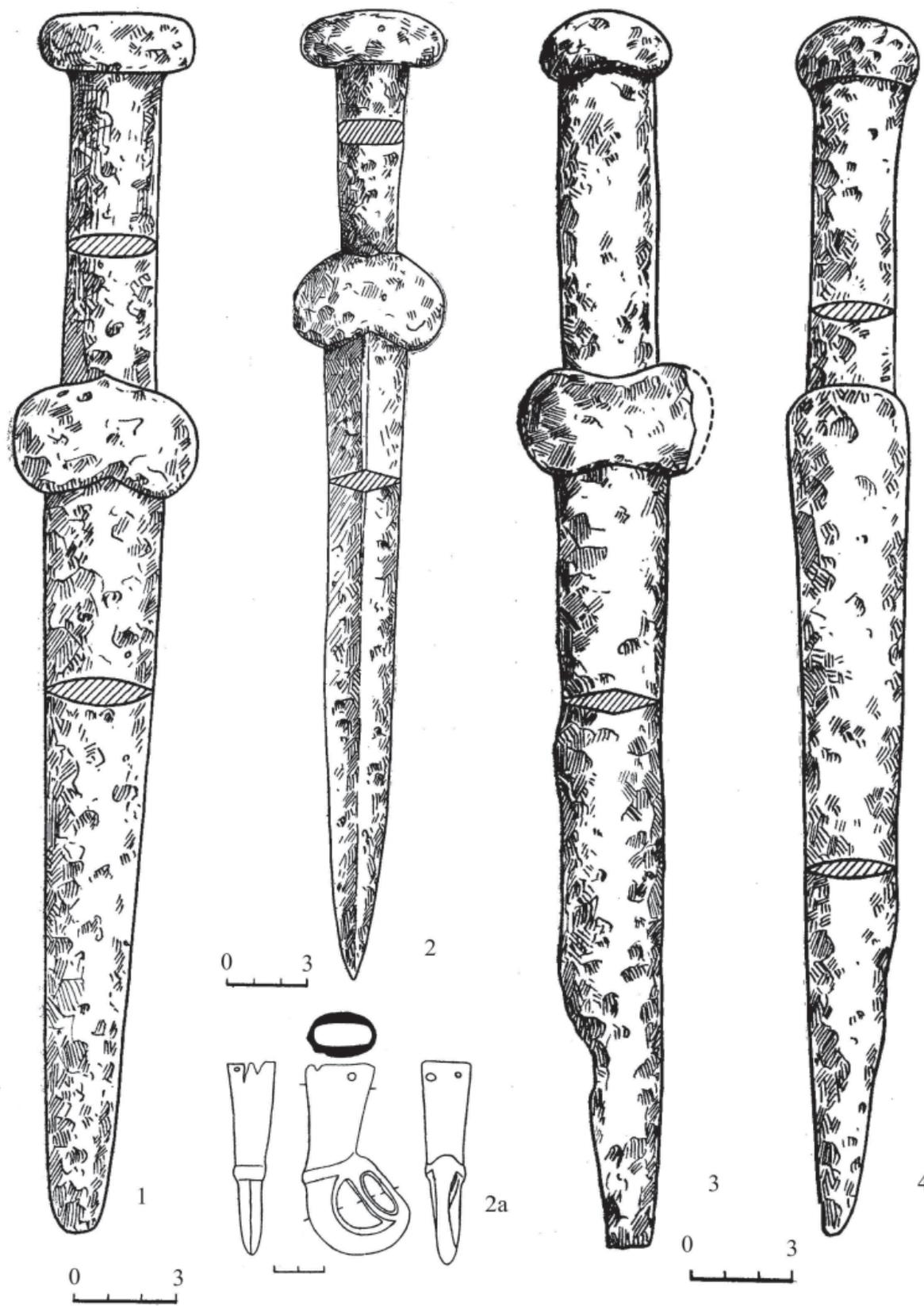

Рис. 9. Железные кинжалы из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – раскоп 1965 г.; 2-2а – погребение 336; 3 – погребение 250; 4 – погребение 273 (по: Патрушев, Халиков, 1982; Кузьминых, 1983).

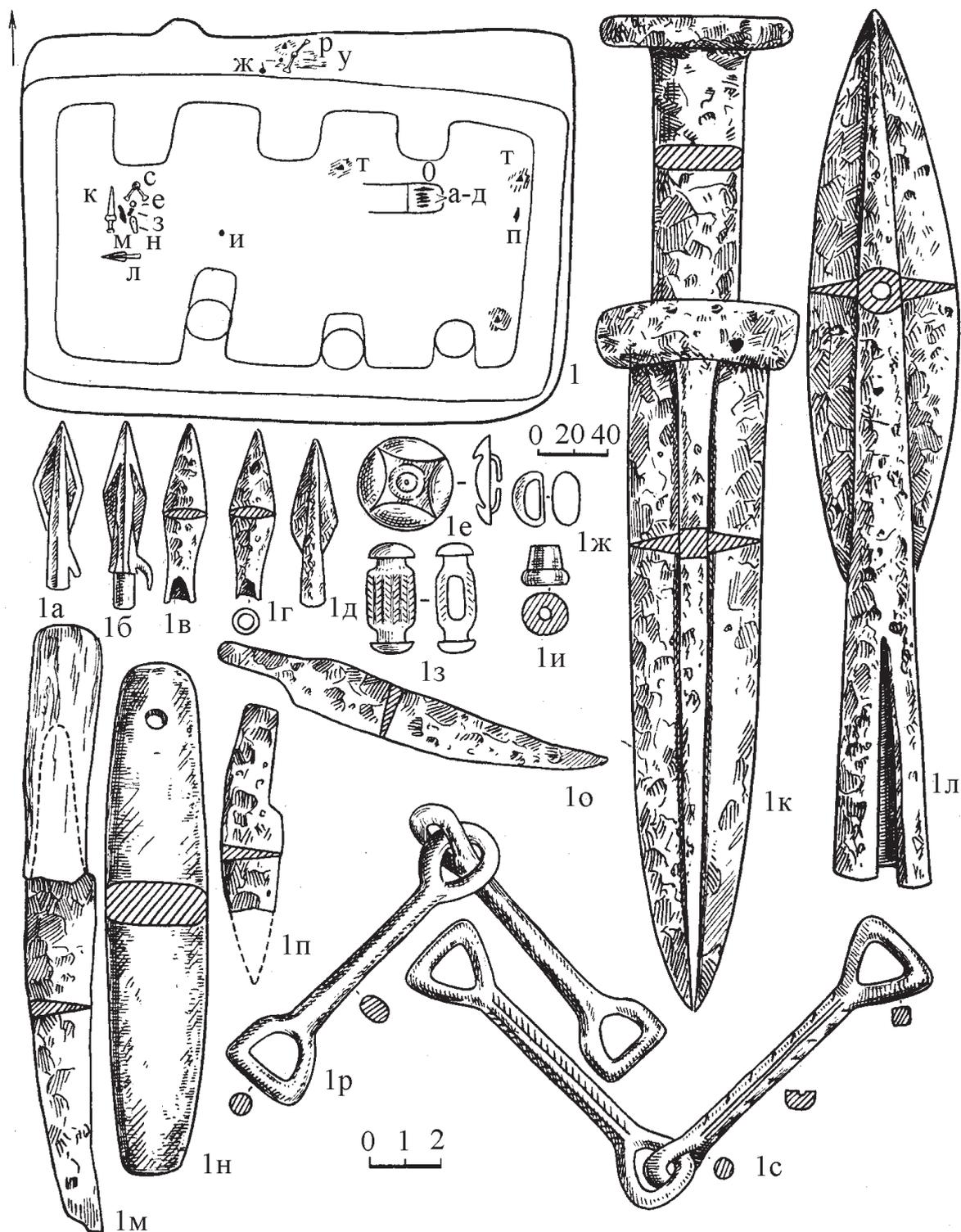

Рис. 10. План и инвентарь погребения 383 Старшего Ахмыловского могильника (по: Патрушев, Халиков, 1982).

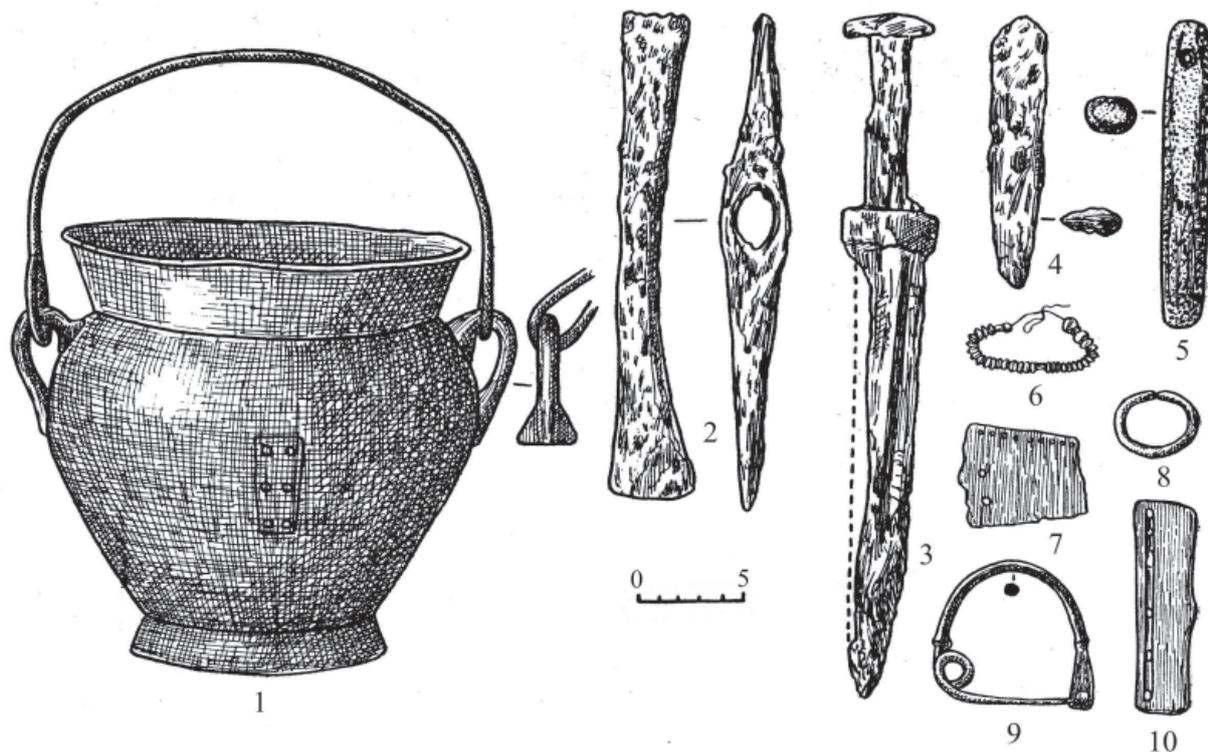

Рис. 11. Комплекс из погребения 205 Тлийского могильника (по: Техов, 1980).

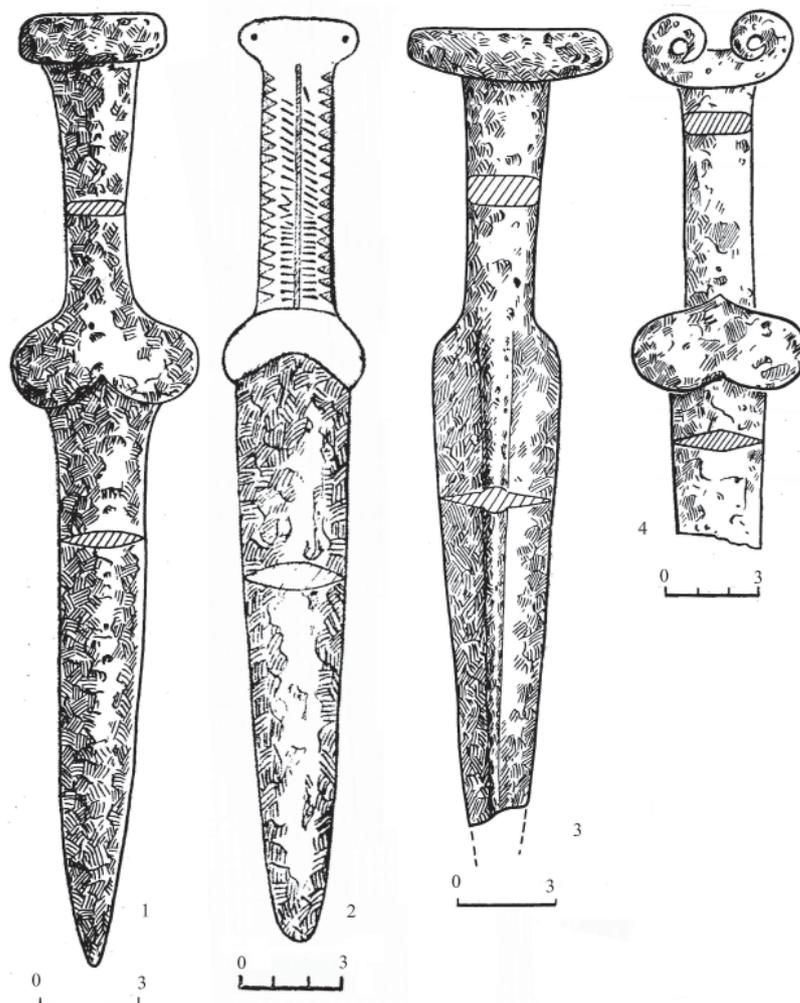

Рис. 12. Клинковое оружие Старшего Ахмыловского могильника:
1 – погребение 534; 2 – погребение 704;
3 – погребение 711; 4 – погребение 226 б
(по: Патрушев, Халиков, 1982).

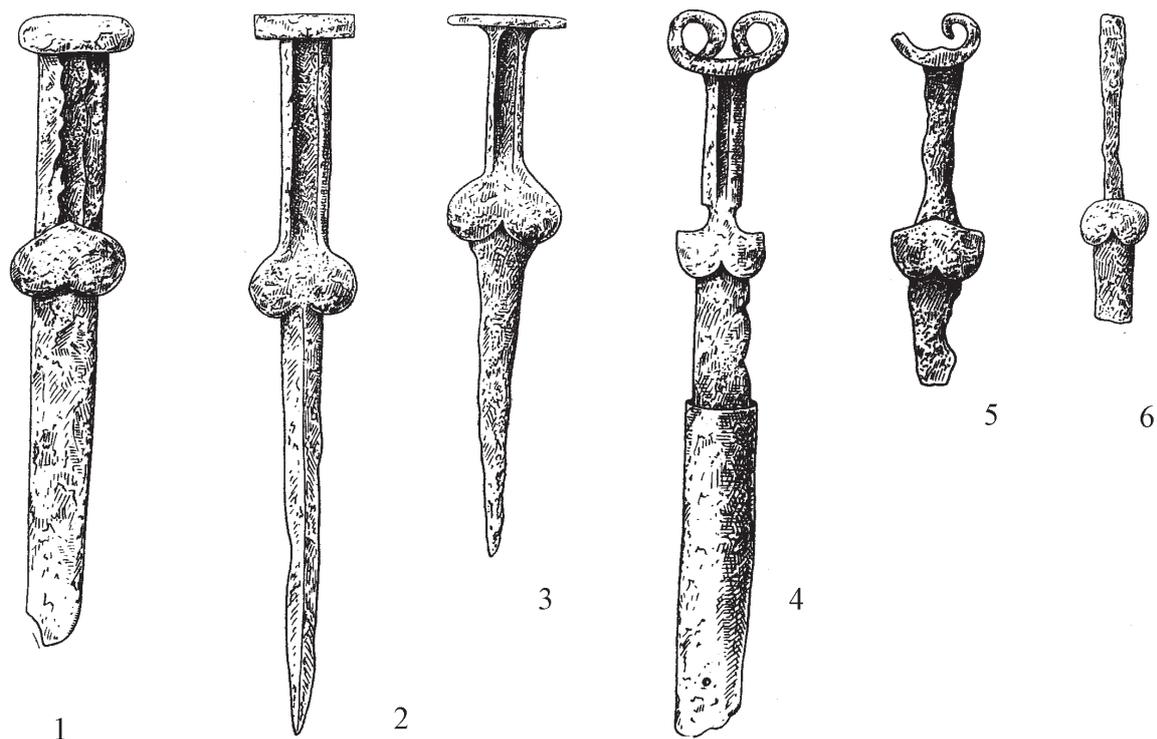

Рис. 13. Мечи и кинжалы «скифских» типов из могильников Прикамья: 1 – Ананьинский могильник; 2 – погребение 18 Ананьинского могильника; 3 – погребение 207 Зуевского могильника; 4 – погребение 46 Ананьинского могильника; 5 – погребение 23 Ананьинского могильника; 6 – погребение 130 Зуевского могильника (по: Збруева, 1952).

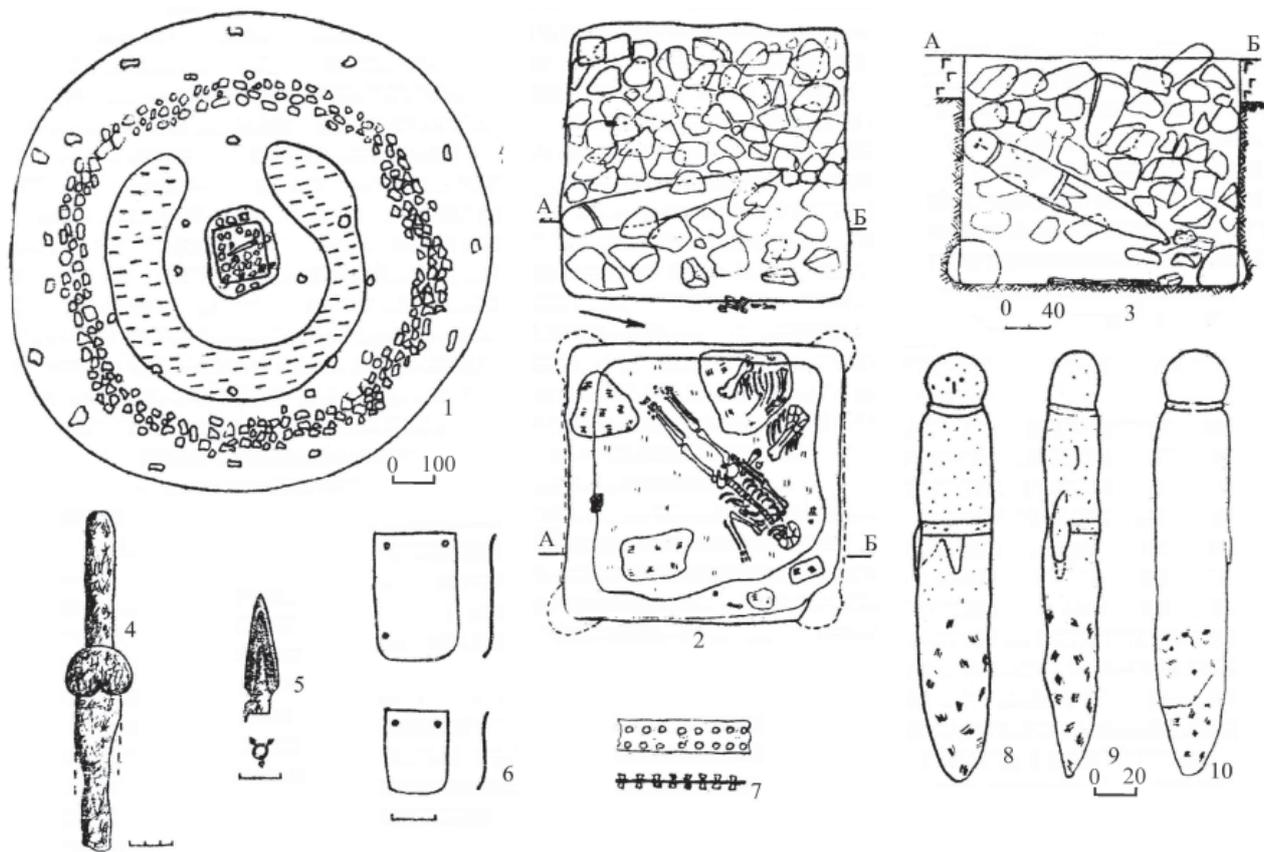

Рис. 14. Курган 2 у с. Большемихайловка Днепропетровской области (по: Мухопад, 1984).

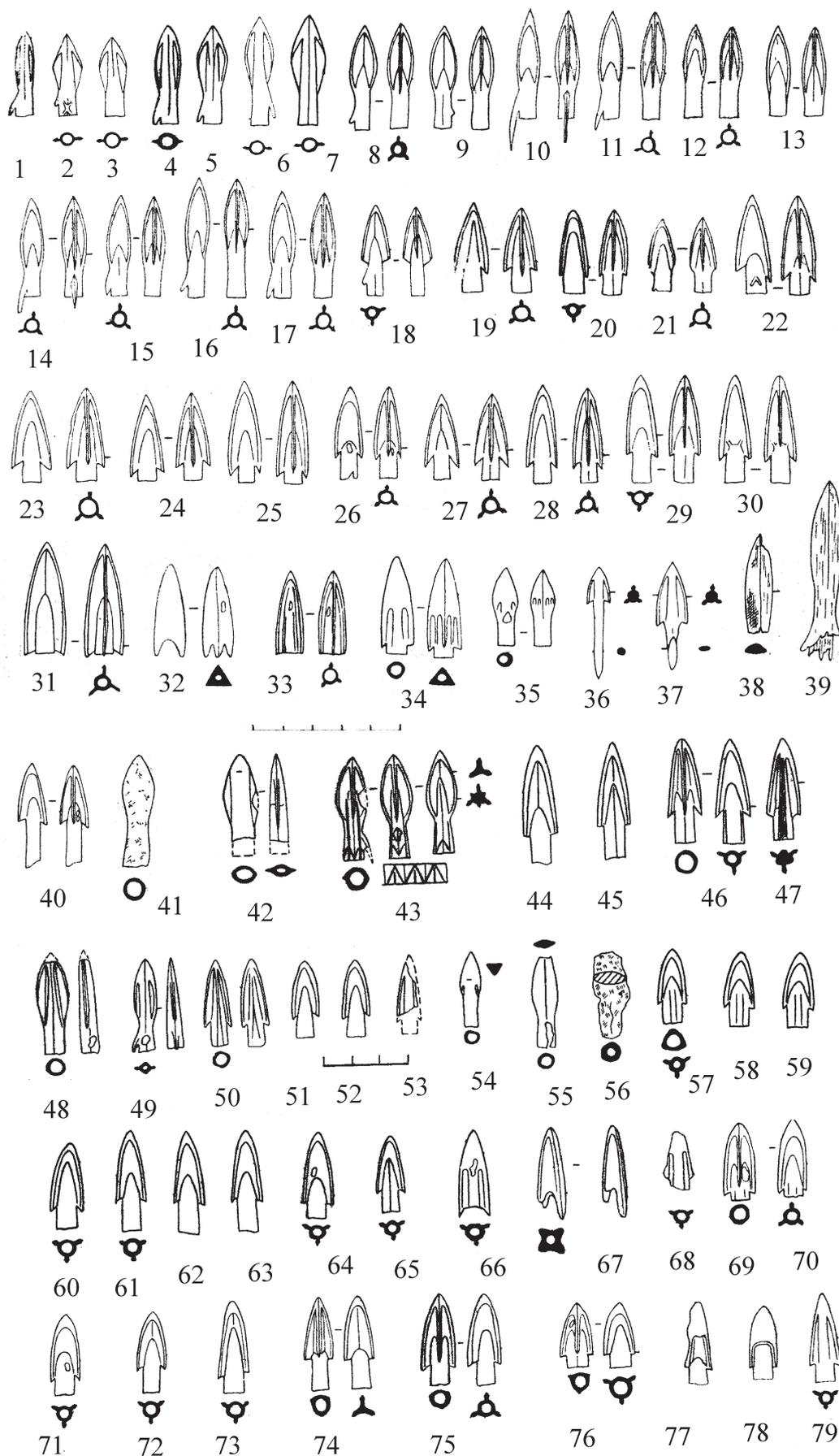

Рис. 15. Наконечники стрел из комплексов Старшего Ахмыловского могильника: 1–41 погребение 926; 42–47 – погребение 704; 48–56 – погребение 949; 57–66 – погребение 578; 67–79 – погребение 750 (по: Кузьминых, 1983).

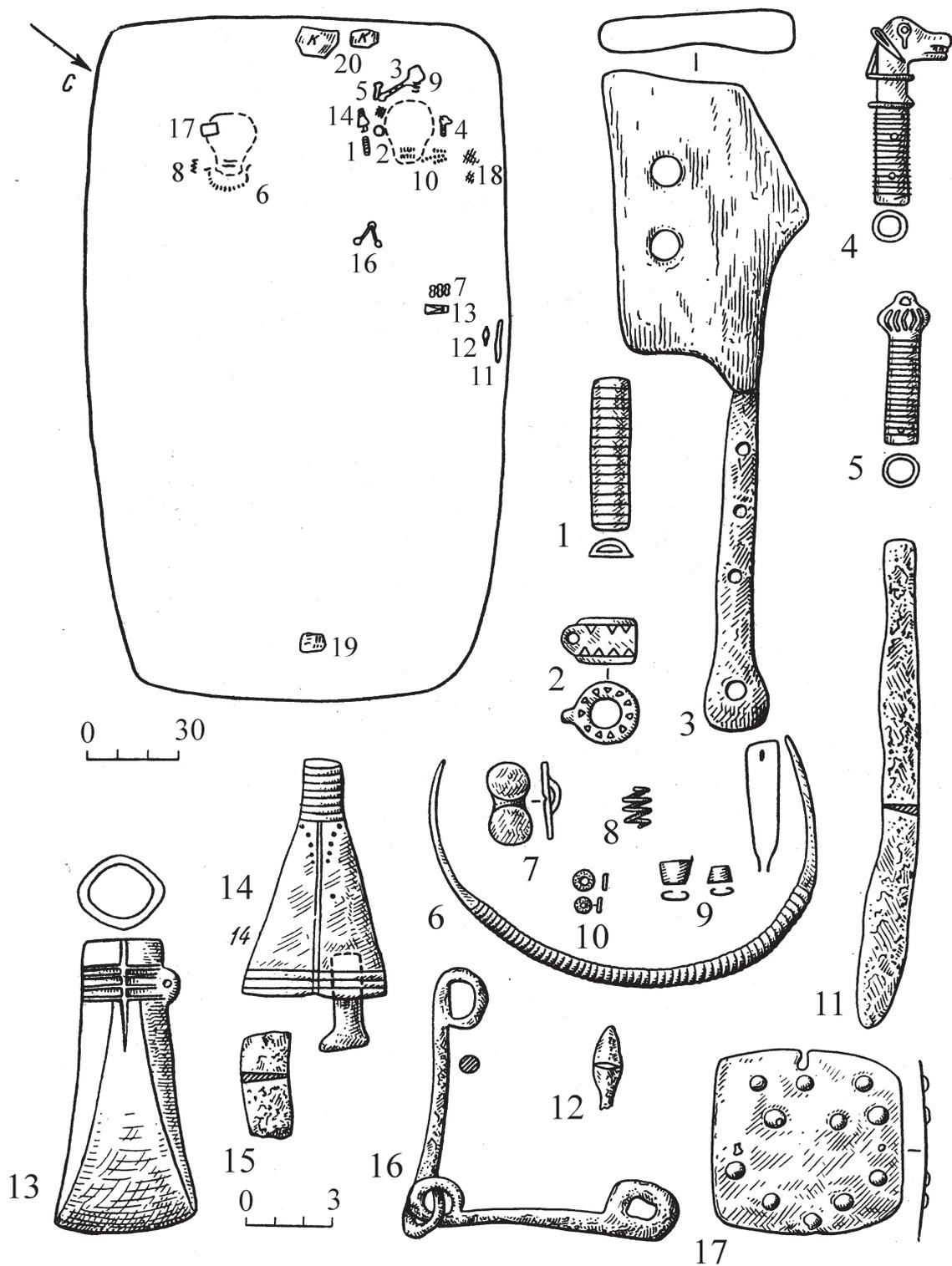

Рис. 16. План и инвентарь погребения 83 Акозинского могильника (по: Халиков, 1977).

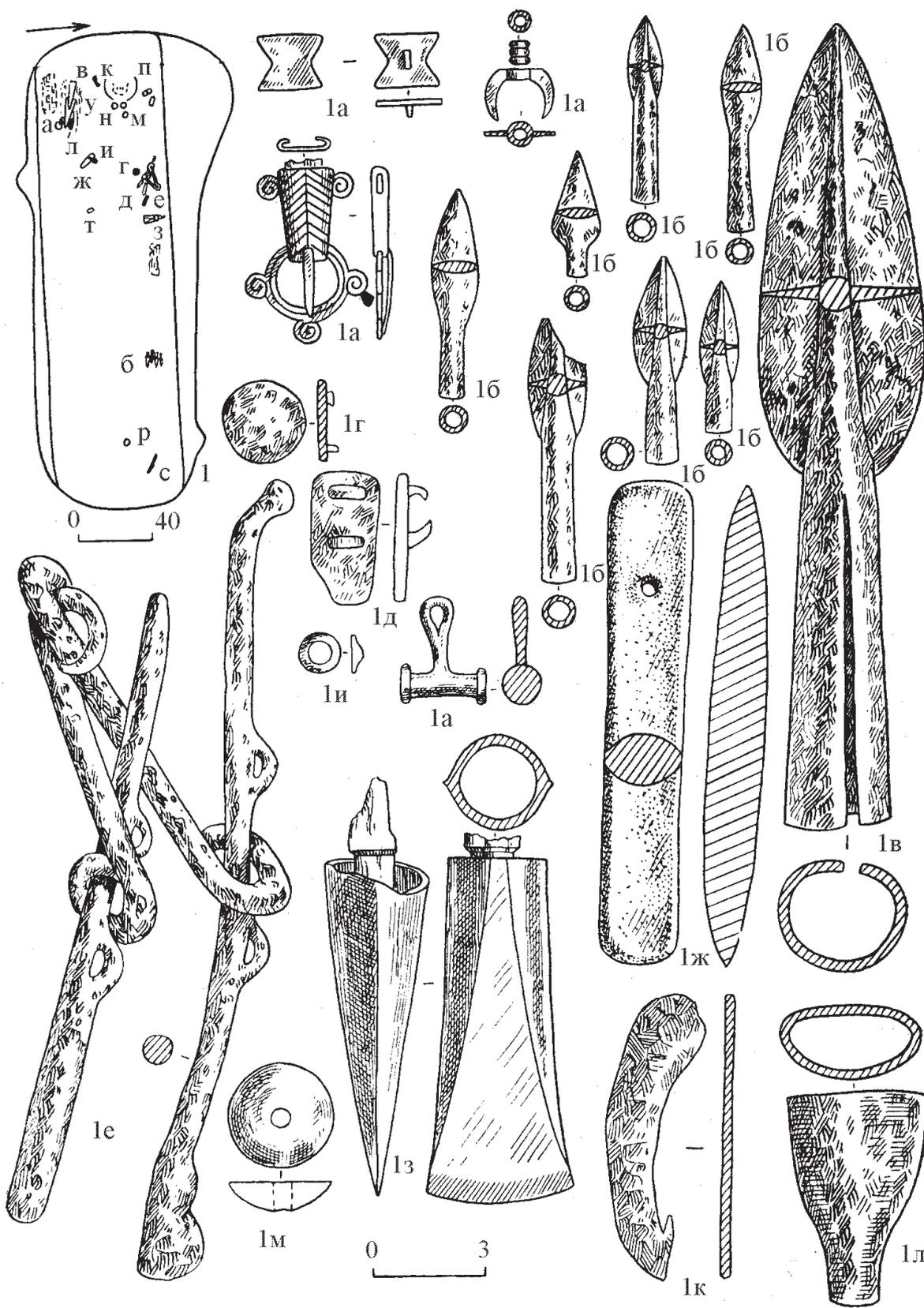
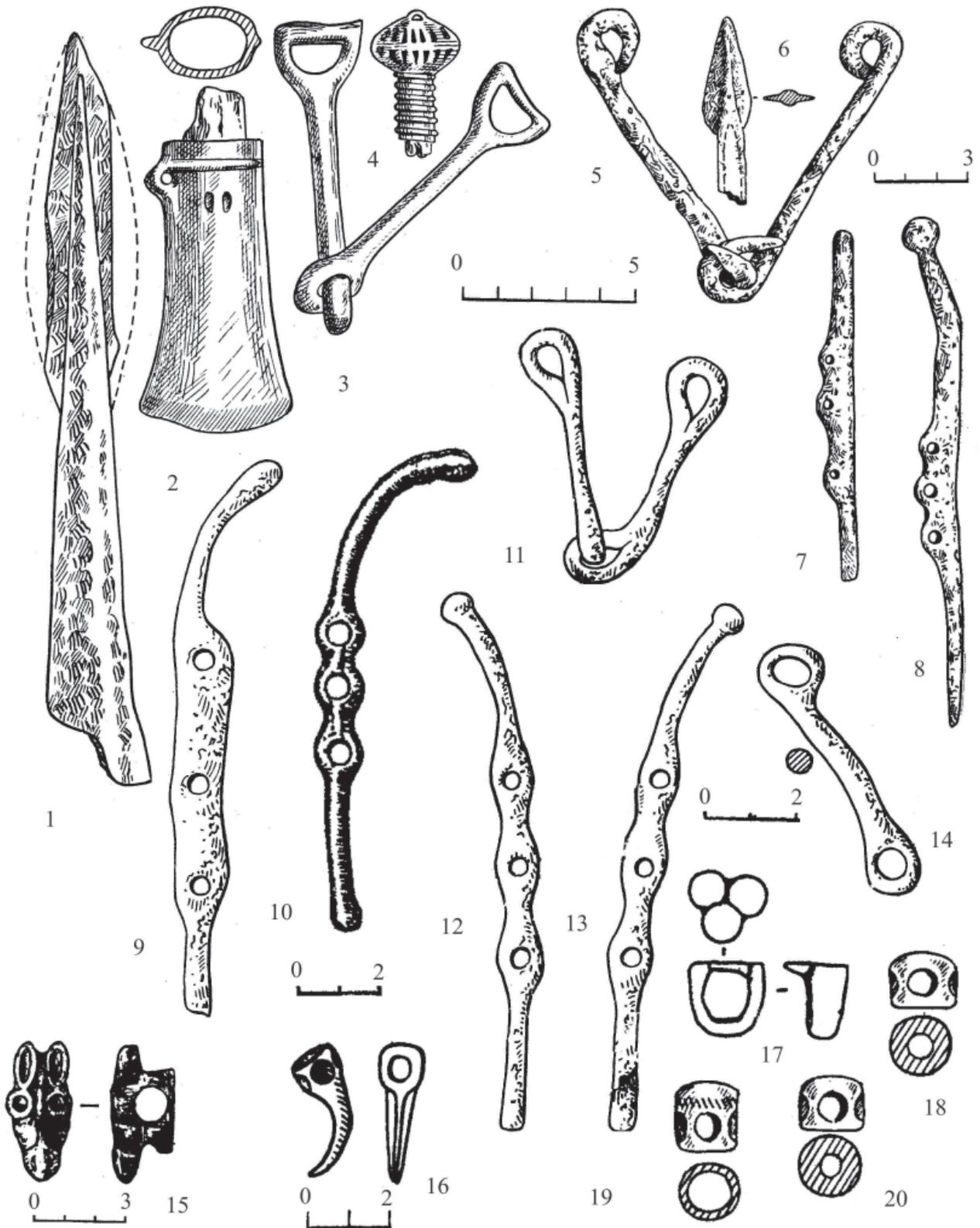

Рис. 17. План и инвентарь погребения 900 Старшего Ахмыловского могильника (по: Патрушев, Халиков, 1982).

Рис. 18. Предметы конского снаряжения из раннеананьинских памятников: 1–4 – погребение 524 Старшего Ахмыловского могильника; 5–8 – погребение 110 Старшего Ахмыловского могильника; 9 – Акозинский могильник; 10 – погребение 7 Мурзихинского I (IV) могильника; 11–13 – погребение 98 Акозинского могильника; 14 – Старший Ахмыловский могильник; 15 – погребение 2 Убеевского могильника; 16 – погребение 70 Старшего Ахмыловского могильника; 17 – Мурзихинский I (IV) могильник; 18–20 – погребение 104 Старшего Ахмыловского могильника (по: Халиков, 1977; Патрушев, Халиков, 1982; Руденко, 2002; Чижевский, 2008)